

Оксана Алексеева

БОССОВ СЫН,  
или  
Я принимаю бой!

Молодежная романтика

Оксана Алексеева

**Боссов сын, или Я принимаю бой!**

«Автор»

2020



**Алексеева О.**

Боссов сын, или Я принимаю бой! / О. Алексеева — «Автор»,  
2020 — (Молодежная романтика)

Вы верите в нелюбовь с первого взгляда? В несовпадение на уровне тонких вибраций? В раздражение до дрожи, в фантазии перед сном о кровавой расправе, в замирающее от очередной неустречи сердце? Верю в это чудо и я. Но у моей ненависти есть причина, Стрельцов приложил к этому все усилия. Су (зачеркнуто)... бесов (зачеркнуто)... боссов сын, чтоб ему пусто было! Воевать с ним – привычно и приятно, а вот для спокойной работы в офисе придется начать игру на вылет.

© Алексеева О., 2020

© Автор, 2020

## Содержание

Глава 1. Мой самый старинный враг	5
Глава 2. Война без обеденных перерывов	10
Глава 3. Две тамады на один коллектив	14
Глава 4. Специалисты и дилетанты	18
Глава 5. Мое кунг-фу сильнее твоего кунг-фу	25
Глава 6. Совместный проект	29
Глава 7. Нельзя недооценивать врага	33
Глава 8. Начни менять мир с себя	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

# Оксана Алексеева

## Боссов сын, или Я принимаю бой!

### Глава 1. Мой самый старинный враг

Офис ждал появления младшего боссова сына с настороженным любопытством. Нет, Борис Игнатьевич не собирался передавать ему руководство, никаких трудовых катаклизмов не предвещалось, но с удовольствием выделил отпрыску место для получения опыта работы. И, конечно, сотрудникам было интересно посмотреть на второго наследника нашего любимого гендиректора, который на днях вернулся из-за границы.

Настороженное любопытство я не разделяла, поскольку имела несчастье уже быть знакомой с указанной персоной, и никакого приятного предвкушения не испытывала. Вряд ли какие-нибудь Франции-Португалии, или где его носило в последние три года, сделали из избалованного мерзавца человекообразное существо.

Он вошел, приветливо всем улыбнулся, пока Борис Игнатьевич не без гордости его представлял, пожал руку начальнику отдела. Все улыбались в ответ, даже не представляя, что доброжелательность парень лишь изображает – через недельку-другую все со стонами безнадеги присоединятся к моему, пока еще молчаливому, лагерю. Стас не сильно изменился внешне – может, немного раздался в плечах и прическу сменил. Он и раньше был довольно смазливый, чего уж там. Вот девчонки и вздохнули украдкой, но синхронно. Дурехи наивные, но откуда же им знать? Не знай я, тоже, наверное, присоединилась бы к этому внутриофисному вздоху.

– О, и ты здесь? – Он каким-то образом выцепил меня взглядом и, дождавшись конца церемоний, шагнул в мою сторону, однако тона не сбавил. – Сколько лет, сколько зим, Польша Луговая!

– А то ты не знал, что я здесь работаю, – скривилась в ответ и съязвила: – Добро пожаловать, Станислав Борисович! Жили без вас и отсутствия не замечали!

– Зато теперь присутствие заметите, – с угрозой произнес этот отщепок от приличного человека.

Дальнейшую склоку пресек Евгений Михайлович, начальник нашего отдела, снова похлопывая высокородного новичка по плечу:

– А, вы знакомы? Как хорошо! Полина, ты уж помоги Стасу адаптироваться. Поднабрался теории, впору браться за практику!

И ирод заблеял ему в тон:

– Да, Полина Андреевна, помогите, добрая душа! А то я без вас и не разберусь, где буклет, а где макет.

– Что, в Гарвардах таким наукам не учат? Или учат, да не всех? – сказала по инерции, но осеклась и повернулась к шефу, давая улыбку: – Конечно, Евгений Михайлович! Если только Станиславу самому не станет скучно в нашем отделе...

Наше прежнее институтское знакомство можно назвать поверхностным, но проникновенным – всего несколько показательных стычек. Боги к нам были милостивы, раз не определили в общую академическую группу, иначе один до диплома бы не дожил. Однако факультет был общий – неудивительное совпадение, если учесть, что моя мама – декан факультета маркетинга и рекламы, а его отец – владелец крупнейшего в регионе рекламного бизнеса, которого нередко привлекали для оценки дипломных проектов или устройства студентов на практику. Про Стрельцова-младшего я некоторое счастливое время только слышала, но к нему все относились немного настороженно, как и ко всем избалованным деткам богатых семейств. Как будто про любого из них можно вообразить какую-то дополнительную деталь, которая не

предусматривается по умолчанию: заносчивый, эгоистичный, скорее всего холерный красавчик, но даже если и не так, то с девицами проблем нет – с девицами не может быть проблем, когда к учебному корпусу подъезжаешь на спортивной тачке стоимостью в особняк.

Впервые со Стасом мы столкнулись в коридоре месяца через два после поступления, да так удачно столкнулись, что выбили учебники друг у друга из рук. Я знала, что таким надо сразу показывать характер, чтобы не чувствовали себя хозяевами мира, но пока подбирала слова, он опередил:

– Эй! Ты что, думаешь, раз дочка декана, то можешь ходить с закрытыми глазами?!

И я ответила ему в точности на предложенной интонации:

– Эй! Ты думаешь, раз сынок Стрельцова, то можешь хамить?

Мы вперили друг в друга взгляды и поняли, что заочно друг с другом знакомы – и еще неизвестно, кто победит в противостоянии с такими «крышами». Смотрели, смотрели и досмотрелись до взаимного пакта о ненападении. Наши родители часто общаются, их профессиональные отношения лучше не разбавлять истериками о каких-то там учебниках. Потому больше никто ничего не сказал, так и разошлись – мирный договор был подписан, как я тогда решила.

Я ошиблась.

Следующая встреча произошла уже в конце первого курса, когда злодейская судьба свела нас на дне рождения сокурсника. Там я оказалась как никогда близко к Витале – парню, который давно мне издали нравился. Простой и умный докладчик последней студконференции, в такого я могла бы влюбиться и без его приятного лица. А здесь, среди толпы буйной молодежи, неожиданно произошло наше сближение – по крайней мере два танца я уже вписала в начало нашей романтической истории. И судя по несколько дерганым движениям Витали и попыткам неловко шутить, шанс казался весомым для нас обоих.

Вышла на широкий балкон, чтобы отдышаться, или для того, чтобы не так заметно волноваться. Мечтать легко, но сохранять самообладание, когда мечта почти в руках, невозможно. Наговорю еще глупостей или буду выглядеть навязчивой – лишнее. Сам он скромный и стеснительный, я знаю и уважаю такой типаж, хотя с ними и бывает сложно в плане настойчивости. Пусть Витали с друзьями и одноклассниками, коих тут большинство, пообщается и заметит, что меня нет, – испугается и впредь не позволит нам обоим стесняться.

И в этот момент рядом со мной оказался Стас – сел рядом и так же свесил ноги сквозь перила. Помолчал недолго, не собиралась говорить и я. Но он все же произнес без предисловий:

– Слушай, а ты знаешь, что мой отец подкатывал к твоей матери?

– Что?! – Сказанное удивило сильнее, чем само присутствие мажористого наследника на шумной и простецкой студенческой вечеринке.

– То, – он ответил легко, рассеянно глядя вниз. – Несколько лет назад, но что-то не склеилось. По крайней мере, в ресторан он ее точно зазывал.

Я вылупилась на его профиль, соображая. А почему не могло такого быть? Борис Игнатьевич – импозантный, очень спокойный и вежливый мужчина. Красивый с какой-то точки зрения – Стас внешне сильно в него пошел. И мама давно одинока, всегда подтянута и для своих лет хороша. Потому я и ответила, успокоившись:

– Почему же не сложилось? Я, например, легко могу представить, что они стали бы парой.

– Шутишь? – Стас глянул на меня с изумлением. – У тебя какая-то сахарная романтика в голове, Поляка Луговая?

– Полина Андреевна Луговая, – поправила я. – А ближе к делу можешь? Почему не сложилось?

Он пожал плечами и снова прилип к перекладинам, скрывая выражение лица.

– А черт его знает... Хотя и несложно предположить. Мы с тобой тогда классе в восьмом учились – двух трудных подростков хватит для краха одной новой семьи.

– Я не была трудным подростком!

Но он меня не слышал:

– Да и здравый смысл восторжествовал. Жениться на деканше – боже, ты можешь себе представить падение хуже? Она ж зануда, ей по должности положено. Я уж про сравнение с матерью молчу – моя была образцом элегантности.

– Ого, сколько гонора, – констатировала без обиды, а как факт. – Какая-то там профессорша, всего лишь доктор наук, и человек, раскрутившийся на рекламе, – ужас, ужас. Им бы даже поговорить не о чем было, до моей мамы только мой отец по образованию дотягивал!

– Соглашусь, – неожиданно примирительно произнес Стас. – И каким-нибудь итальянским партнерам такую не представишь, иначе сгоришь от стыда... от ее образованности, конечно.

Я выпады старалась игнорировать, в те времена еще не была в курсе, что она продолжит нападать, пока не взорвусь. А узнать подробности старой истории хотелось:

– Интересно, а кто из них решил отказаться пробовать? Уверена, что мама. Отец-то у меня ученым был, ей так сильно планку снижать сложно, каким бы интересным мужчина ни выглядел со стороны...

– Вот уж сомневаюсь, ставлю на отца. Кстати, я ему передам, что ты о нем думаешь – кто знает, не зарубится ли твоя преддипломная практика через несколько лет от случайно вылетевшего слова?

Усмехнулась пренебрежительно.

– Я так хорошо учусь, что твоих угроз не боюсь. Да и до той самой практики еще несколько лет.

– А-а, прешь по проторенной дорожке в деканат? Молодец, чё. Из тебя выйдет самая сухая вобла, никогда не сдавайся.

Я фыркнула, но ничего нового о его характере не узнала, потому и не начинала удивляться.

– Как нам все-таки повезло, что у них не сложилось! Если тебя отец и старший брат не придушили, то я бы добралась. Иначе бы и не разрешилось, живи мы в одном доме.

– Ух, как жутенько, – отозвался Стас равнодушно. – В смысле, представить тебя в своем доме. Вообще не знаю, чего ждать от человека, который на пьяной вечеринке сидит трезвым – вряд ли у такого найдется нужная справка от психиатра. Пойду я поищу более приятную компанию.

Он ушел, а я осталась. Где там мой Виталья? Ведь я уже минут десять здесь сижу. Не пора ли наострить радары в сторону своей мечты? Да и для первого поцелуя безлюдный балкон – лучшее место.

Но еще через десять минут явился за мной не тот, кого я ждала, а снова Стас. Вид у него был такой же отстраненный, но говорил серьезно и уверенно:

– Виталья отчалил.

– Как отчалил? – я выдала свою заинтересованность.

– Ногами, я полагаю. Может, и зря я в него последние две стопки влил. В общем, он просил тебя найти и извиниться.

Все, вечер безвозвратно утерян. Вот и оставь студента без присмотра – есть только миг между трезвым студентом и перепившим... Вероятно, мой растерянный вид заставил Стаса добавить:

– Да не парься, вы же на параллели учитесь.

От этих слов я вздохнула еще тяжелее. Да, учимся, как почти целый год учились и мимо друг друга проходили. Романтика же не в институтских коридорах рождается, а на таких вот вечеринках, когда все тайное становится явным. Другая группа – это как другой мир. Вон, со Стасом, одноклассником Витали, мы неделями не встречаемся, что нам только в радость.

Разумеется, плакаться Стрельцову я не собиралась, потому направилась с балкона, потеряв все цели дальнейшего здесь пребывания.

– А! – он будто только вспомнил. – Виталя еще твой номер попросил – чтобы самому извиниться, как только отойдет.

– Серьезно? – Настроение почти вернулось на прежнюю отметку.

– Нет, я для себя спрашиваю. Когда все хоть немного симпатичные девушки в городе закончатся, тебе буду звонить и в трубку дышать.

В принципе, во вранье Стаса не было никакого смысла – даже если и не Виталя спрашивал мой номер, а он сам какую-то глупую забаву придумал, что с того? Номер телефона в случае необходимости без проблем выяснить, особенно с его связями, я же не дочь богатеев, мне шифроваться ни к чему. Он вынул смартфон, открыл экран сообщений:

– Диктуй, СМС-кой отправлю. Или Виталин номер запиши, сразу и свяжешься. Я тут не нанимался амурничать.

– Нет, лучше уж ты ему мой, – выбрала я, твердо уверенная, что не смогу заставить себя звонить парню первой.

Номер продиктовала, а он еще и имя добавил, только с ошибкой. Я не сдержалась:

– Полина, а не Полено!

– Есть разница? – Стас изобразил раздражение от ненужных хлопот.

– Принципиальная! Исправляй. Это со всеми детьми случается, за образование которых выкладывают нехилые деньги? Олег у вас такой же неуч?

– Брат-то? Да нет, он серьезный, в Англии учился. Потому слово «полено» способен написать без ошибок на трех языках.

– Полина, а не полено!

Он и не спорил, весело что-то бурча и исправляя.

Во вранье Стаса не было никакого смысла, кроме одного-единственного. Дверь на балкон распахнулась, и перед нами появился улыбающийся Виталя, трезвый и взволнованный, каким совсем недавно был во время наших танцев.

– Вот ты где, а я тебя потеря...

– Спасибо за номерок, красавица, – перебил его Стас. – Услышимся.

Свет в глазах Витали погас, он дернулся и пошел обратно – на этот раз действительно на выход, как и было предсказано. С его стороны ситуация выглядела слишком однозначно: богатенький красавчик, приезжающий в институт на спортивной тачке стоимостью в особняк, только что склеил очередную девицу. Девица, хоть и дочь декана факультета, не могла не склеиться – все склеиваются, когда попадают в зону внимания таких перцев. Сама бывала свидетельницей подобных явлений, которые и сами жертвы не могут потом внятно объяснить. Но это не про меня! Настолько не про меня, что первой кольнула обида, а уже после осознание.

Я не побежала следом, видя в оправданиях какое-то унижение, да и как объясняться, если у нас с ним ничего не было – был бы моим парнем, я бы не постеснялась. А все слова на фоне еще не обозначенной взаимной симпатии прозвучат глупо...

Тот вечер запомнился не утраченным Виталей, с которым больше романтических моментов не случалось, а знаменательным финалом, сродни салюту в конце праздника. Я все же выпила залпом стакан пива и залепила Стасу пощечину. Он ухватил меня за горло, но нас растащили и объявили вечеринку законченной – раз последняя вузовская заучка человеческий облик потеряла, то остальным уж точно пора баиньки.

Для меня навеки он стал мерзавцем, портящим другим жизнь хохмы ради. Я для него как была, так и продолжала оставаться высокомерной дочкой деканши, выскочкой из бедноты и способной похвастаться только дипломированной родословной. И это было только началом наших бурных отношений, а впереди ждал еще год в одном институте. Ярких эпизодов накопилось несколько, хотя я не путаюсь, когда расставляю их по степени отвратительности. После



Стас Стрельцов уехал учиться за границу – я посчитала, что он просто проиграл в нашей войне. Вполне допускаю мысль, что его отец решил, что раз старший сын учился за границей, то и младшему не помешает, чем бы он в будущем ни собирался заниматься, а моя ненависть вовсе ни при чем. Без Стаса институт стал тише и спокойнее, а о баталиях я на старших курсах и думать забыла.

Ничего странного, что лучшую выпускницу факультета принял в свою фирму Борис Игнатьевич, работать на которого оказалось не только выгодно, но и по-человечески приятно. С Олегом Борисовичем, его старшим сыном, замом по финансам и нашим будущим директором, у меня тоже сложились уважительные и теплые отношения. И так все хорошо шло, что я забыла известную пословицу «В семье не без урода».

И вот стоит он передо мной. В моем же отделе. По возвращении зачем-то соблаговолил устроиться именно сюда, будто во всем мире ему больше места не нашлось. Стоит и смотрит, черт улыбчивый. Чует мое сердце и не подводит внимательный взгляд на хищный белозубый оскал, теперь Стас поднаторел, заматерел, но неприязни ко мне не растерял. Что ж, я тоже поднаторела и вполне способна превратить студенческие свистопляски в боевые действия другого масштаба.

## Глава 2. Война без обеденных перерывов

Самый худший эпизод, произошедший на втором курсе, я никогда тщательно не осмысливала, хотя о беспринципности Стаса он свидетельствовал лучше всего остального. Странно ли, что до его отчаливания из института моя личная жизнь никак не складывалась? Я ему мстила с тем азартом, на который способна только дочь декана и круглая отличница, не рискующая отчислением...

Из ностальгии меня выдернул начальник отдела:

– Полина, сделай одолжение, чуть позже познакомь Станислава с нашими последними проектами. Борис Игнатьевич просил о полном погружении его сына в работу, а к тебе обращаюсь по одной причине: не знаю никого, кто так же аккуратно, тактично и спокойно справится с этой задачей. Не затруднит?

– Не затруднит, Евгений Михайлович.

Меня попросили бы, даже если бы мы со Стасом впервые виделись, а я самая молодая сотрудница отдела! Евгений Михайлович не раскидывается похвалами на ровном месте, под каждым его словом лежит ежедневное наблюдение и оценка результатов. Когда-нибудь он отправится на пенсию, понадобится новый руководитель, и – кто знает? – вспомнится ли тогда, что я самая молодая сотрудница отдела? Но я заметила, как воодушевленно недавно расспрашивал Стас Евгения Михайловича о семье и здоровье – они, вероятно, неплохо друг друга знали. Но сразу стало понятно, что вражина мой закадычный метит туда же, не просто же так вылизывает приличествующие места будущему пенсионеру. Но это не испугало – сына Борис Игнатьевич наверняка любит, но вряд ли до такой степени, чтобы доверять дело всей жизни избалованному отпрыску, а не лучшим по эффективности сотрудникам.

Упырю даже стол выделили, и откуда только притащили? Почти весь первый день он потратил на знакомства с теми, с кем не был знаком, и пролистывание папок по завершенным проектам. Я предоставила ему возможность вволю поочаровывать девушек, а когда все разошлись по делам или уткнулись в свои мониторы, подошла.

– Меня обязали тебя курировать на первых порах. Можешь называть меня по имени-отчеству, не обижусь.

– Ты вообще не слишком обидчивая, Польша Луговая, мне ли не знать. – Стас отвлекся от просмотра документов. – Сделай-ка кофе нам обоим, и приступим.

Я осклабилась. Никто ведь и не ждал, что будет просто?

– Стасик, – я вывернула и его имя пообиднее. – Неужели Борис Игнатьевич не смог выделить тебе кабинет?

– На другом конце города? – он сразу понял ход моих мыслей.

– Желательно на другом конце южного полушария. Но я серьезно спрашиваю.

Стас будто удивился:

– А зачем мне отдельный кабинет, если я устроился на стажировку? Я в изоляции учиться должен? Кстати, ты замуж-то не выскочила? Поздравить хотел! Начать, как говорится, с дружеской ноты.

– Не выскочила, – я говорила с ним тем же тоном расслабленного презрения.

– Странно. Ты же выскочка, вот я и предположил, что хотя бы замуж.

– У меня была куча направлений, куда выскакивать. Я выбрала пока не замуж.

– Сочувствую, но не удивлен. Таких раньше в монахини стригли или на костер отправляли.

– Ага, мужики всегда боялись умных женщин – исторический факт, – согласилась я.

– И во все времена это называлось занудством, а не умом. Но ты не переживай – карьера круче личной жизни. Хотя откуда зануде знать о личной жизни?

– Мне двадцать три, Стас, какое замужество? – Я даже рассмеялась, так нелепо звучали его наезды. – А то ты меня не знаешь – учеба, работа. Теперь вот, карьера.

– Знаю. Знаю, как расходишься, если твои комплексы случайно зацепить. Ничуть не изменилась, будто я тебя и не покидал.

Я вскинула очи к потолку и протяжно выдохнула. Следующий мой взгляд на отморозка сопровождался улыбкой:

– Да нет, изменилась, и лучше тебе не представлять, в какую сторону, дорогой. В общем, давай уже к делам. Идем к моему компьютеру, покажу тебе последний проект. Кстати, ты какое образование-то получал, а то нам, может, переводчик потребуется?

– Финансово-экономическое-нервомотательное, – ответил он. – Хотя бы последнюю специализацию ты должна оценить.

Я удивилась и обрадовалась одновременно. Обернулась немного – убедиться, что шагает за мной, и не сдержала любопытства:

– Тогда какого лешего твои лыжи делают в нашем отделе – месте рождения лучших в стране рекламных плакатов и каталогов? Шел бы минимум в видео, там клоуны ценятся.

– Тебе же объяснили – для практики. Когда-нибудь отец отойдет от дел, Олега поставит на свое место, а меня, если только захочу, финдиректором. Но я, если честно, всегда мечтал что-нибудь свое организовать – такая свобода действий позволительна младшим наследникам. Связи есть, стартовый капитал есть, харизма и поддержка есть, – умри от зависти. Но не мешает для начала простым работягой притвориться.

– Притворяйся, притворяйся, – разрешила я. Умирать от зависти не собиралась, зато отметила, что в начальники моего отдела он в будущем и не метит. Поторчит тут немного для красоты и отчалит. Неплохо бы его в этом решении немного ускорить.

Видела, что он ничего не понимает, когда я объясняла и тыкала пальцем в монитор:

– Это новый каталог. Заказчик крупный и придиричивый. Смысл в том, чтобы улучшить дизайн, но оставить привычное для клиентуры оформление. Даже шрифты должны гармонировать с логотипами. Слушай, Стас, может, тебе в цифрах лучше покопаться? – я его даже пожалела. – Ну какие тебе шрифты, с твоим-то чувством прекрасного? А цифры хотя бы не будут приводить в такой ступор – ну, при условии, конечно, что ты финансово-экономическое образование сам получал хотя бы отчасти, а не девочек в студгородке клеил, пока тебе отец диплом проплачивал.

– Клеил, клеил, – покорно согласился он. – Ты продолжай, а я постараюсь в обморок не упасть. А почему здесь шрифты другие, или ты мне специально заливаешь, чтобы запутать?

Я объясняла, но так, чтобы несведущий в тонкостях рекламы человек так и остался несведущим. Незачем мне его навыки прокачивать. Папа один диплом купил сыночку и второй купит, и еще десять, если понадобится. Но знания приобретаются другим способом. Я еще и издевалась, вопрошая устало:

– Ну, теперь понятно?

– Угу, – бурчал он неуверенно. – А что насчет кофе?

– Запросто!

Я сходила к кофемашине и вернулась через десять минут, принеся чашку только себе. Отпила и довольно зажмурилась, изображая, что вкуснее у меня во рту ничего не бывало. На выжидающий взгляд ответила:

– Тебе тут секретарш нет, работяга. Объяснить, как пользоваться кофемашиной, или ты даже это знание не потянешь?

Стас поморщился, встал, а потом выхватил у меня кружку и щедро отхлебнул. Я упустила только от неожиданности. Увернулся от моей попытки забрать кофе и спешно направился к своему столу, как будто так и надо. Пришлось смириться, но обозначить свои позиции:

– Эй, тут у каждого сотрудника своя кружка! Так уж и быть – выпивай, потом тщательно вымой и отдай. Объяснить, как посуду мыть? А завтра свою принесешь, если завтра все еще будешь гореть желанием стажироваться!

Стас разглядел смешную собаку на боку тары и задумчиво закивал, как если бы по картинке мог определить собственника, но ничего не ответил. Зато кофе пил с тем же удовольствием, которое недавно изображала я, и явно не спешил. Мне теперь еще и за кружку воевать?

Я устало опустилась на стул перед монитором и замерла. Задергала мышкой, с каждой секундой впадая во все больший ужас. Слова вылетели тихо, недоуменным стоном, но Стас расслышал:

– А... где... каталог? Это... что еще за экран...

– Полина, – он обратился ко мне вежливо, что уже ничего хорошего не означало. – У тебя на компьютере, похоже, вирус был. Я запустил откат системы. Но не волнуйся, это недолго, если жесткий диск не перегружен. Зато потом компьютер станет как новенький – заводские настройки переоценить невозможно.

– Откат... к заводским... А... а... каталог?

– Накидаешь снова, специалист высочайшего уровня! – подбодрили и похвалили меня ехидно.

Окошко с бегущей загрузкой вытравливало из груди весь воздух. Я даже на пульсацию в висках внимания не обратила, так было важно снова начать дышать. Зато, как только это удалось, взлетела в воздух и кинулась к нему.

– Мерзавец! – завопила в полную глотку.

Стол мне не помешал, я перевалилась через него и схватила ублюдка за грудки, таща вверх. Он даже кружку мою из рук не выпустил, оттопырил руку с ней чуть в сторону и пока не испугался. Но две девушки, до сих пор с понимающими улыбками наблюдавшие за нашими ленивыми перепалками, вскочили на ноги, не зная, то ли разнимать, то ли бежать за охраной. А я остановиться не могла:

– Гнида избалованная! Ты хоть знаешь, сколько дней я убила на этот проект?! Тебе рассказать? Человеку, который вообще сам ничего не умеет делать?!

– Почему же не умею? – Гаденыш еще и улыбался. – Откат системы до заводских настроек умею.

– Урод! Сукин сын!

– Борисов сын, – поправил он.

А я трясла его и орала, перейдя уже на маты. И как раз на вершине русской эпической словесности позади раздался голос:

– Полина! Ты что здесь устраиваешь?!

Я нехотя отпустила так удачно зажатую под горлом Стаса рубашку, обернулась и ступала под взглядом начальника отдела. Евгений Михайлович недоуменно качал головой и, впервые за всю мою работу в отделе, отчитывал с настоящим осуждением:

– Я тебя считал профессионалом, Полина! Это, по-твоему, и есть деловая этика? Истеричка ты, а не профессионал! Или я не предупреждал, что личные качества являются обязательным условием, чтобы работать здесь?!

– Евгений Михайлович... – я попыталась оправдаться, но не знала чем. А в его словах явно расслышала даже угрозу увольнения – вот уж точно не ожидала, что Стас победит в первый же день. Игра на вылет закончилась не в мою пользу...

Стас обошел стол и наклонился ко мне. Шепнул как ни в чем не бывало:

– Все файлы после отката сохраняются. Странно о такой мелочи не знать главной заучке. – Он повысил тон и обратился к шефу: – Евгений Михайлович, ничего страшного не произошло. Мы с Полиной в институте были очень близки. Неудивительно, что она не смогла

мне простить трехлетней разлуки. Считайте предсказуемым всплеском эмоций, но мы будем над этим работать.

– Ну... – Евгений Михайлович немного успокоился – он, вероятно, больше всего переживал, что о конфликте узнает гендиректор, но раз Стас не держит зла, то и проблем не последует. Однако перевел взгляд на меня и закончил строго: – Чтобы подобного я больше не видел, Полина!

– Конечно, Евгений Михайлович!

Как только мы снова остались наедине, я уточнила, не глядя на утырка:

– Файлы сохраняются?

– Сохраняются, сохраняются. Но я ошибся – таких, как ты, раньше только на костер отправляли. Сколько энергии, тобой можно кварталы обогревать.

Я успокаивалась с большим трудом:

– Зачем прикрыл?

– Шутишь, Польша Луговая? Ты тут кто? А я сын босса – тебя б уволили, несмотря на все заслуги.

– Совесть проснулась?

– Чувство юмора у меня проснулось. Какого черта мне здесь без тебя делать? Некого будет доводить. Работать бы еще пришлось от тоски.

– Спасибо, мерзавец.

– Пожалуйста, мерзавка. Ты уж не увольняйся, единственный веселый атрибут в этой стажировке.

– О, за это не переживай! Я из отдела уйду только после того, как тебя отсюда вышвырнут за умственную несостоятельность. Иди потом, свое дело организуй, а не отцовское топи.

– Жду не дождусь. А пока конец баталиям, до завтра. Тебя подвезти?

– Сдохни, пожалуйста. Я очень прошу. От всей души, искренне. Я тебя раньше никогда ни о чем не просила, но готова умолять...

– Во! Вот этот жалобный тон и тренируй, Польша Луговая. Мне нравится. До завтра.

Перед выходом из офиса я отмыла свою кружку с чистящим порошком, а потом спрятала ее в нижний ящик стола и прикрыла старыми распечатками.



### Глава 3. Две тамады на один коллектив

Я снимала квартиру недалеко от офиса, потому наслаждалась каждым шагом утренней и вечерней прогулок. Идя по тротуару, увидела пролетающую мимо машину и сразу распознала владельца, хотя автомобиль был не тем, что парковался перед институтом под выдох всего здания. Просто сложно не догадаться – город большой, но придурков такого уровня по пальцам пересчитать: кабриолет с открытым верхом, что в не слишком жаркое утро выглядит сплошным пижонством. Стас помахал мне приветливо, в ответ рассмотрел конфигурацию из трех пальцев и многозначительный взгляд, расхохотался и подал к обочине, сбавив скорость. Поехал рядом, болтовней изображая приятельские отношения:

– Польша, а если бы тебе предложили миллион долларов и никогда не появляться на работе, что бы ты выбрала?

В ответ пришлось тоже кричать, иначе гаденыш не расслышит, а это обидно:

– Беру миллион, нанимаю киллера, счастливо праздную исполнение заказа, после чего спокойно иду на работу.

– Твои намеки такие же тонкие, как и лодыжки.

– Нормальные у меня лодыжки!

– Только если с кулинарной точки зрения. Кстати об этом. Польша, а если бы мы с тобой оказались на необитаемом острове, то кого бы съели первым?

– Того, в ком мяса больше! Хотя в чем-то ты меня победил.

– Логично! А ты бы меня сразу целиком сожрала или частями?

– Я бы тебя в фарш перемолола и акулам выкинула. Не стану тащить в рот всякую каку даже на грани голодной смерти.

– Да ты гурман! Так и не узнаешь, что некоторые части тела у меня довольно вкусные. А я б тебя медленно ел!

– Слушай, отстань, а?

– А я к тебе приставал? О, вспомнил новогоднюю вечеринку на втором курсе! У тебя как с памятью, душа моя?

Странно, а мне раньше казалось, что от квартиры до офиса совсем недалеко. Но оказалось, что путь мучительный и бесконечный, все познается в сравнении. Еще шагов сто, после чего он будет вынужден свернуть на парковку, а сто шагов я вполне способна помолчать. Скорее всего.

– Польша, а давай наперегонки? Кто первым в отделе окажется, тот кружку с собакой получает. Обещаю не разгоняться до максимума, хотя ты не разгоняться до максимума не умеешь.

Да почему он на мое имущество претендует?

– Стрельцов, у тебя денег на отдельную кружку не нашлось?! Бедненький! Подарю тебе, так уж и быть!

– Когда?

– Что?

– Подаришь когда?

– Когда в больнице тебя буду навещать! Я, знаешь ли, человек незлопамятный – если уж кого-то выкину из окна, то обязательно потом в травматологии навещу!

Он изобразил обиду и все же рванул вперед, как будто я с ним действительно соревновалась. Некоторым людям не суждено вырасти из подросткового возраста. Зато когда я вошла в отдел, он с удовольствием допивал кофе из моей кружки. Я бы высказалась, но под взглядом Евгения Михайловича решила изображать из себя само гостеприимство. Чуть позже Стас

подошел к кофемашине и вернулся к моему столу с полной ароматного кофе кружкой, поставил передо мной.

– Вот, Полька, видишь, мы с тобой вполне можем мирно сосуществовать. И даже не драться из-за какой-то там посуды.

– Ты ее хоть помыл?

– Ершиком почистил.

– Лучше уж после туалетного ершика, чем после тебя!

– Брезгливая? Я тебе справку принесу, что не страдаю заразными заболеваниями. А психическими наслаждаюсь.

– Ты все в жизни покупаешь, купить справку – не проблема.

– Вот тут ты меня поймала... Ты и представить себе не можешь, сколько я справок себе купил.

Я скривилась, понимая, что таким образом мы будем перекидываться колкостями до конца рабочего дня, не замечая времени и зрителей, даже не открыв папку с каталогами. Стас может снизить мою продуктивность, никаких реальных пакостей не совершая! Я невероятным усилием воли оглохла, ослепла и погрузилась в шрифты. Отмороженному наследничку тоже какую-то работу выделили, раз он надолго замолк за своим столом, что-то чертил, а потом переспрашивал у других сотрудников, верно ли сделал. Ему помогали с удовольствием и почти естественно хвалили – идиоты. Они просто пытаются понравиться начальственному сыночку и усиленно не замечают его хамоватой натуры! А он и рад поддерживать их заблуждения – вежливый-то какой с остальными, внимательный, старательный, тьфу.

Опомнилась я уже ближе к обеду, глянув на часы. Вскочила и схватила ветровку. Многие еще раньше разошлись на перерыв, а кто-то перекусывал прямо в отделе домашними бутербродами. Я спешно поправляла волосы перед зеркалом и проходила по губам блеском. Тщательно осмотрела короткое зеленое платье – не зря я его все-таки в гардеробе завела, хотя обычно на работу хожу в джинсах. И даже не вздрогнула, когда позади в отражении обнаружила фигуру, прислоненную плечом к стене и со скрещенными на груди руками.

– Луговая, куда ты лепесты распустила посреди рабочего дня?

– Лепесты? Ты и русский подзабыл в своих заграницах?

– Не боишься меня одного оставлять наедине со своими файлами? Ты или файлы с собой бери, или меня, чтобы держать нас в изоляции друг от друга и соблазнов.

– Не боюсь, Стас, – ответила я, спокойно глядя через зеркало ему в глаза. – И если что-то ужасное устроишь, то я больше не буду материться и на тебя налетать. Пойду и подробно сообщу об этом начальнику отдела.

– То есть настучишь?

– То есть покажу, что для меня важнее общая результативность любимого рекламного отдела, а не личные отношения. – Я вновь глянула на часы и перебила его очередную реплику, почти попросив: – Все, Стас, побереги свой сарказм на часочек, у меня обед с Олегом Борисовичем, некрасиво опаздывать.

Развернулась и отметила, как он изменился в лице, выпрямился, убрал руки в карманы. Даже зеленые глаза будто остекленели.

– Что, прости? Обед с братом? – Я такого спокойного и сухого голоса от него не слышала.

Почти усмехнулась, но за секунду дошло, как он понял мои объяснения. Разумеется, ему очень скоро расскажут про настоящее положение вещей, стоит только поинтересоваться: Олег Борисович всех участников прошлого проекта на обед пригласил, поздравить с отличным завершением и обсудить кратко планы на случай, если заказчик решит продолжить договор. Там целую серию видеоклипов для федеральных каналов снимали, но использовали мои слоганы, потому и я одной рукой затесалась в команду. В прошлом месяце премию за это получила и, конечно, была приглашена на обед, где будут обсуждаться проектные наметки. Но платьице

это, мой нарядный вид и «обед с Олегом» вызвали в Стасе бурю эмоций – еще бы! Он подумал, что подразумевается какая-то романтика. А как пережить возможные отношения родного брата с какой-то выскочкой, которую он много лет ненавидит?

Стас узнает о подробностях уже через несколько минут, но это выражение лица бесценно – смотрела бы и смотрела! Растянула губы в улыбке и добила:

– А чему ты удивляешься? Олег – умный, вежливый мужчина, полностью в моем вкусе. А я – умная, вежливая девушка, которая всего на семь лет его младше, лучше не придумаешь!

Он продолжал меня радовать своей неожиданной окаменелостью:

– Только не Олег, только не он... Полина, ты серьезно?

– Ого, и имя мое вдруг вспомнил? Абсолютно серьезно! Ну, если у него нет других причин каждый день звать меня на совместные обеды. Ах, Олег, Олег, мечта любой девушки с глазами и ушами...

Я прошла мимо, Стас не пытался остановить, уставившись в пол. Надо же, как его пробрало. Нравились бы мы с Олегом друг другу хоть немного, я была бы только рада наблюдать, как Стас локти себе кусает. Он может много чего плести про меня и мои лодыжки, а так запросто поверил, что его брат разглядел во мне предмет симпатии – испугался, помертвел, представил, наверное, как на нашей свадьбе тост из себя давит, выкидывая всю нецензурщину в мой адрес. Значит, не настолько уж я безобразна в его глазах, раз клюнул и даже съехидничать не смог.

Деловой обед прошел под флагом завышенного настроения. На Олега Борисовича я посматривала, скрывая улыбку. Он мне всегда импонировал, идеальный специалист и профессионал. Насколько же Стас плохо знает своего брата, если без доказательств поверил, что тот может опуститься до служебного романа?

После возвращения флаг пришлось свернуть – уже по лицу Стаса было понятно, что кто-то ему выложил все обстоятельства дела. Он был так чем-то доволен, что меня не отвлекал, а в рабочий процесс, похоже, втягивался скоростными темпами. Да почему все его хвалят? Нет, ну девицы-то понятно – девиц хлебом не корми, дай повод к симпатичному парню лишний раз обратиться. Ну и что с того, что лишнюю обводку шрифта в макете заметил? Любой бы заметил, если бы посмотрел на макет внимательней! Да он, наверное, после моей вчерашней лекции разбираться начал, как же хорошо я объясняю! Так скоро докатимся и до того, что Евгений Михайлович вслух признает, что не такой уж новичок и отстойный... а начальник на ровном месте хвалить не способен.

И лишь на выходе в конце рабочего дня Стас догнал меня на лестнице и вспомнил о последнем разговоре:

– Смешно, что я повелся про тебя и Олега. Реально смешно. Чего же ты не смеешься, Польша Луговая? В кои-то веки развела меня. Подвезу? Заодно в машине и прохочешься.

– Не стоит утруждаться. Я рядом живу. А уж дома так прохочусь, чтобы свидетели санитаров не вызвали. Я после каждого общения с тобой в эту эйфорию впадаю.

– Но глупо-то как, дураком себя чувствую! – Он все еще зачем-то шел рядом. – У тебя же был этот заучка и тихоня, как его... Виталя.

– Виталя? – я невольно скрипнула зубами. – Я с Виталей с конца первого курса даже парой фраз не перекинулась, спасибо кое-кому!

– А, ну да. И потом этот, как его, вообще имя не помню – но тоже заучка и тихоня...

– Сашка, – вздохнула я, вспоминая интеллигентного мальчика, докладчика следующей студконференции, с которым у меня не срослось на втором курсе. – И знаешь, благодаря кое-чей шутке, у меня и с Сашкой не сложилось. К вопросу о создателе всех гадостей в моей жизни!

– Так меня три года не было! – Стас уже смеялся легко, шагая в стороне. – Отсутствие личной жизни после моего отъезда тоже на меня спишешь? Как удобно ты устроилась: шесть-

десять шесть процентов Стрельцовых приносят тебе удачу, тридцать три процента – неприятности, всю жизнь тебе собою расписали, а один процент спишем на магнитные бури.

Я остановилась и посмотрела на него.

– Стас, а с чего ты решил, что у меня личная жизнь отсутствует? С этим делом все в порядке. Просто я не тащу романтические сплетни в офис, как делают некоторые.

– Ну и славно. У меня тоже все в порядке, – ответил он так же серьезно.

– С чем нас обоих и поздравляю! На свадьбу не забудь пригласить.

– Только в качестве тамады.

И мы, наконец-то, разошлись в разные стороны. У Стаса все-таки есть суперспособность портить мне настроение, вот и сейчас удалось, хотя он вроде бы даже не старался. Никакого порядка в личной жизни у меня не было. Конечно, в прошлом были отношения, но никакие не вылились в любовь на всю жизнь. Всё дело в несовпадении пристрастий: мне нравятся парни скромные, спокойные и очень умные, такие часто бывают не слишком инициативными, а я обычно нравилась другим – напористым и хамоватым. С последними я пыталась найти общий язык, но это сложнее, чем первыми руководить и постоянно толкать хоть к каким-то действиям...

Завтра нужно будет все-таки обмолвиться с девочками на работе о какой-нибудь романтике. С меня не убудет, зато Стас убедится, что не только у него все в порядке!

## Глава 4. Специалисты и дилетанты

На следующий день я шла по коридору офиса с маленьким букетом фиалок, который только что приобрела в цветочном магазине. Поставлю на стол и на все вопросы буду загадочно улыбаться. Сработает лучше всех романтических слухов, а Стасу придется искать другую причину, чтобы меня подкалывать, – личная жизнь-то вот, наглядно продемонстрирована, все сомнения на корню обрубаются!

– Здравствуйте, Олег Борисович! – поздоровалась с попавшимся на пути начальством.

Но мужчина вскинул руку, останавливая меня. Неужели уже есть новости по продлению заказа? Вот бы было здорово!

– Доброе утро, Полина, – он говорил, как всегда, спокойно и почти холодно. – Красивые цветы. Надеюсь, не от меня?

– В каком смысле? – Я недоуменно перевела взгляд на фиалки, которые как будто пожухли от его взгляда.

Олег Борисович сделал шаг ко мне и заговорил тише:

– Полина, мне вчера после обеда брат позвонил и задал какой-то уж совсем нелепый вопрос, из чего я сделал вывод, что или вы ввели его в заблуждение, или каким-то образом вас ввел в заблуждение я.

Теперь понятно, из какого источника Стас подробности выяснил. Мог бы и просто в отделе спросить, зачем высокое начальство такой ерундой было тревожить?

– А-а, вон вы о чем... – Я смутилась до пылающих щек. – Извините, Олег Борисович, приврала немного. Вы правы, это было неэтично – упоминать вас в таком контексте. Точнее, я не сообразила, что первым делом Стас наберет родного брата...

Но Олегу будто извинений не хватило, он сбавил тон почти до шепота, тем самым обозначая интимную важность и необычность этого диалога:

– Полина, подобные сплетни могут ударить по моей репутации, вы должны понимать. К тому же у наших семей неоднозначная история взаимоотношений. Я сейчас с вами как сын своего отца говорю, а не начальник.

– Да, слышала я что-то об этом. – Я все еще не могла на него посмотреть.

А судя по тону, он наконец-то улыбнулся:

– Прошу, не развивайте эту шутку. После смерти мамы отец вообще ни на кого внимания не обращал, кроме Нины Александровны. Это был разовый эпизод, потому запоминающийся. Признаться честно, я тогда был уверен, что дело закончится свадьбой. Стас себя винит, для нашей семьи эта тема неприятная и практически запрещенная к обсуждению. И я уж точно предпочту не вклинивать свою персону в проблемы минувших дней.

Я уже не в первый раз замечала, что Олег изредка переходит на витиеватые обороты в стиле куртуазных романов – видимо, признак сильного волнения. Но обсуждать настолько неудобные вопросы я с ним точно не собиралась.

– Да извините уже! – Я немного закипала, поскольку смущаться долго не привыкла. – Олег Борисович, я просто обманула Стаса – он так смешно удивился, что я не могла сдержаться!

– Понял. – Он снова стал привычно холоден. – А теперь я говорю с вами как замдиректора. С чего вы вдруг решили перед Стасом прикрываться мною? Если речь идет о каких-то домогательствах с его стороны, то вам стоит прямо об этом сказать. Такое обвинение не пройдет мимо, будьте уверены. Конечно, Стаса мы любим и поддержим в любой ситуации, но злоупотреблять своим положением в офисе не позволим. Даже в тот период, который ему требуется, чтобы привыкнуть и разобраться в себе.

Я даже отшагнула, обескураженная искренним желанием помочь.



– О как... А я могу обвинить Стаса в чем-нибудь другом? Вот именно сексуальные домогательства даже за уши не притягиваются. – Я расстроилась, что нет повода щелчком пальцев изгнать гаденыша из отдела. – Пытаюсь вспомнить хоть эпизодишку, и никак...

Но Олег воспринял по-своему и усмехнулся, уже шагая дальше:

– Хорошо, что так. Удачного рабочего дня, Полина.

– Спасибо, – ответила я ему в спину и еще раз тяжело вздохнула.

Явных домогательств я от Стаса не дождусь, разве что драку на рабочем месте списать на вспышку страсти... Но именно он должен проявить эту вспышку, а скандалим мы так, что скорее я первой сорвусь, – и тогда Стас обвинит в сексуальных домогательствах меня, еще и свидетели найдутся, с каким вожделием я сжимаю рубашку под его горлом. Надо как-то подальше держаться – в смысле, еще подальше, чем обычно.

Кстати, я ведь никогда с мамой и не говорила о Стрельцове-старшем, было как-то неудобно расспрашивать родительницу о таких вещах. Но, наверное, стоит заглянуть к ней на ужин и отважиться задать вопрос в лоб: она у меня уже большая, можно поднимать и подобные темы. А то как будто все в курсе чего-то важного, кроме меня.

Моя кружка находилась у Стаса в руке, фиалки отправились по назначению – в вазочку и на стол. Девчонки заулыбались и вопросительно поглядывали, а я загадочно улыбалась. Пусть сами додумают подробности, я ничего не буду рассказывать. А так-то моего ухажера зовут Ваней, он милый и приятный докладчик всех студенческих конференций, которые только проводились в вузах страны. И в очках, да. Мы с ним уже три года вместе, между прочим. И вот, встретил меня перед работой, красавец мой очкастый, букет подарил – без повода, недорого, но так трепетно, что у меня сердце замерло и до сих пор отмереть не может. Жаль, что я о таком классном парне никому не расскажу. Ваня, Ванечка, скорей бы вечер и очередное свидание – Олегом Борисовичем, конечно, бесить веселее, но и Ванечка сойдет.

Стас фиалки вообще проигнорировал – наверное, не заметил. Но и не доставал меня весь день, по уши погруженный в проект с Настей. Настя-то молодец, башковитая, придется ей вывозить проект за них обоих – не на Стаса же полагаться. А мне было немного скучновато переживать неоправдавшиеся ожидания, хоть самой отвлекай и цветочками перед царственным носом трясина, всуе поминая несуществующего Ванечку.

Как раз когда я вознамерилась звонить маме, чтобы договориться об ужине, воздух сотряс громкий голосишко моего антисексуального непреследователя:

– Народ, а что если мы вместе в кино выберемся? Для укрепления корпоративного духа, так сказать.

Евгений Михайлович, как раз вошедший в отдел, идею одобрил:

– Хорошо придумал, Стас. Корпоративный дух – это такая эфемерная штука, которую трудно найти, легко потерять и невозможно забыть.

– А у меня такой статус в соцсети, – скривилась Ольга. – Только не про дух.

– Так я именно там цитату и почерпнул, – обрадовал ее старик. – В общем, совместный поход одобряю, присоединяюсь и готов ради этого отпустить всех на час раньше!

– А-а-а! – отозвался хором весь отдел, влюбленно глядя на Стаса.

Но начальник не закончил:

– А завтра пораньше на часок соберемся, работа не должна страдать!

– У-у-у! – отозвался хором весь отдел, глядя на Стаса уже не так влюбленно.

Я нажала на кнопку до того, как пошел вызов. Не пойти со всеми я не могла. Ко мне коллеги относятся прекрасно, но новенький уверенно перетаскивает свою долю внимания на себя. А известно, что изоляция от коллектива никогда не приводит к этому самого коллектива бесконечной любви. Стрельцов обломится, если думает, что фильм в его обществе может отвратить меня от корпоративного духа.

Этот пизон и сеанс выбрал – какую-то романтическую комедию, которая в усредненном варианте устраивала всех, и билеты заказал, но строить из себя мецената не стал, и с каждого взял деньги. С меня он их требовал с особенным удовольствием, я не могла не отметить:

– Знаешь, Полька, я бы тебе долг спустил, но вижу, что ты до сих пор жадничаешь, когда я твою кружку беру. А с жадными людьми щедрым быть нельзя!

– Оставь при себе свою благотворительность, сколько там? Возьми пятьсот, это тебе сразу с компенсацией самой идеи. – Протянула купюру. – Со сдачи кружку себе купи.

– А моральный ущерб компенсировать не хочешь? Тогда с тебя еще четыреста раз по пятьсот, и я забуду последние три дня.

– Кружку себе купи, и ничего не забывай!

Он на мои реплики будто внимания не обращал, вынул из кармана свой телефон – надо же, и снова последней модели. Какое чудо расчудесное. Не удивлюсь, если ему приходится каждый месяц менять аппарат, чтобы имиджу соответствовать.

– Ладно, перекину тебе сдачу по номеру мобильника. Кружку себе купишь, раз своей нет.

Я растянула губы и сплющила лицо так сильно, как только смогла.

– Тогда мне пришлось бы дать тебе свой номер, Ста-асик.

– Так у меня ж где-то был... Консерваторы, как ты, обычно меняют номера только при форс-мажорах.

– Откуда? – Лицо я плющить перестала.

– А ты уже забыла Виталика? Так и знал, что ты его использовала и выбросила, как перчатку. Ага, вот он, номерок-то.

Я сильно напряглась, но все-таки спросила:

– Зачем ты его сохранил, Стас?

– Глупый вопрос, при всем неуважении. На случай твоего звонка, чтобы сразу тебя послать.

Деньги пришли через секунду, обозначив свое появление на счету приятным бульканьем. А разговаривать нам больше было не о чем. Удивил Стас меня только тем, что поехал со всеми в троллейбусе, из чего я сделала вывод, что мой коллектив он собрался переманивать на свою сторону по полной программе.

Я не особенно удивилась, когда именно мое место в кинотеатре оказалось рядом со Ста-совым. Он ведь билеты заказывал и раздавал, так вряд ли упустил бы возможность доставать меня целых полтора часа. Но я быстро сориентировалась и поменялась с Настей местами. Ее место намного удобнее – на один ряд ближе к экрану и на один ряд дальше от раздражающих факторов.

Интересно, он все номера телефонов сохраняет и переносит при покупке очередной «новейшей модели»? Вынула из сумочки свой и увидела сообщение с незнакомого, но легко опознаваемого номера. Очень сомневаюсь, что, например, Евгений Михайлович мог отправить мне нечто подобное:

«Ты заметила, что это первое наше нормальное сведание? Киношка, прикинь? Не успеешь маргнуть, как будешь коминтировать фильмы мне в ухо. Страшна?»

Я долго думала, но не выдержала и отослала в ответ:

«Брррр! От твоей грамотности в дрожь бросает, я про остальное молчу»

И через полминуты пришло снова:

«А миня в жар от твоего занудства. Мой попкорн – твой попкорн, Полено. Только повернись».

Я убрала телефон обратно в сумочку. Не хватало еще раздражаться в свободное время. Придурок так и не научился писать мое имя правильно. Да он вообще вон по-русски едва шпрехает. И провоцирует уж слишком удачно, раз рука так и тянется отвлечься от экрана и отправить ему какую-нибудь гадость.

Но фильм оказался очень даже ничего. Жаль, что такая романтика – когда смешно и грустно, когда искры во все стороны и беспробудная нежность, и чтобы через годы, и чтобы до рези в глазах – только по воле сценаристов происходит. И шея от напряжения затекла.

\* \* \*

Дня через три я наблюдала за доказательствами моих худших предположений. Стас сидел за своим столом, пока Настя распечатывала макет, Анютка выискивала в старых каталогах нужные страницы, а Ольга – у меня чуть глаза от ужаса не вывалились – тем временем наливала Стасу кофе. В мою кружку, разумеется.

Первым порывом было вслух обозначить, как ситуация выглядит со стороны, пусть опомнятся. Но побоялась, что снова буду выглядеть скандалисткой. Все же дождалась удобного момента в обеденный перерыв, чтобы поговорить с вражиной.

– Стас, у тебя совсем совести нет? За тебя всю работу делают, но ты еще и секретаршей успел обзавестись! А потом ты сдашь проект Евгению Михайловичу, получишь заслуженную похвалу и будешь продолжать вот так же улыбаться? И тебе плевать, что девчонки свои обязанности ради тебя отложили, чтобы за увальня все сделать! Как вообще живется без совести-то?

Он отложил лист, в котором поверх распечатанных букв что-то строчил, и посмотрел на меня снизу.

– Тебе чего неймется? Вот просто сама причина интересна. Я тебе жить мешаю? Смотреть не можешь, как наглый тип использует людей ради своих целей? А потом их заслуги себе присвоит? Нашла тоже повод.

Стас так все точно сформулировал, что и добавить нечего:

– Именно!

– И что тебя смущает?

– То, что ты эгоистичный манипулятор, конечно!

– А-а, так ты это только сейчас выяснила?

– Нет, давно в курсе! Но жаль, что до остальных все еще не доходит!

– Я же на стажировку устроился, а после мне всю оставшуюся жизнь людьми руководить и использовать результаты их усилий. Видишь, я справляюсь.

Он меня снова успешно доводил – как раз тем, что никаких грехов не отрицал. Я развернулась к Ольге и гаркнула на нее, поскольку было больше шансов докричаться до разумного существа:

– Снова кофе ему несешь? Тебя саму-то ничего не смущает? А почему в моей кружке?

Но Ольга только мягко улыбнулась и поставила перед деспотом тару, еще и салфеточку снизу подложила.

– Так ты из-за кружки так ругаешься, Полин? Стас, не отвлекайся. Евгений Михайлович очень просил, чтобы к концу недели закончили.

Я просто развела руками. От чего он тут отвлекается? От самолюбования? От гипнотического воздействия на всех особ фертильного возраста? Добродушная Ольга зачем-то погладила меня по плечу, будто успокаивая:

– Полин, ты нервная какая-то. С парнем своим случайно не поссорилась? – и улыбнулась, бросая любопытные взгляды то на поникшие фиалки, то на меня.

– Да! – зачем-то поддержал ее Стас. – Поссорилась? Это многое бы объяснило!

– Все у нас в порядке! – Я взяла себя в руки и решила, что пора спуститься в буфет и перекусить, а не тратить всю энергию на людей, того не заслуживающих. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих, а я сделала все возможное.

– А как его зовут? – спросила мне в спину новоявленная секретарша Стаса.

– Ванечка! – ответила я таким рыком, чтобы больше спрашивать не осмеливались.

Пятницу можно было назвать хорошим днем, если бы не – ну кто бы удивлялся? – присутствие в мире Станислава Стрельцова. Мой макет начальник принял без единого замечания и тут же подписал на отправку в типографию. Второй макет представлял Стас – я и не удивилась. Язык у него подвешен, лапшу на уши он генерирует профессионально, а никому и в голову не придет уточнить, кто на самом деле всю работу выполнил... Может, стоит все-таки еще раз поговорить с девчонками? Они же умные и талантливые, сердце кровью обливается, что царек местного разлива на них ездит!

Евгений Михайлович по очереди посмотрел на Настю, Анютку и Ольгу, после чего вынес вердикт:

– В вас я и не сомневался, выходим на новый уровень! Но рад, что и ты, Стас, так успешно влился в процесс – результат общих усилий налицо.

И тут мое чувство справедливости не выдержало – лопнуло взрывом во все стороны и сопровождалось криком:

– Какой результат, Евгений Михайлович? Оформлением занималась Настя, Ольга и Анютка составляли макет, а Стас взял их каталоги и положил на этот стол!

Начальник сузил глаза и покачал головой, а голос его прозвучал непривычно резко:

– Полина, я уже не в первый раз замечаю твою предвзятость. Не хотелось бы ставить ультиматумы, но давай объективно: если в отделе два специалиста, которые не могут ужиться и влияют на рабочую атмосферу, что мне сделать? Логично, что лучше уволить одного, чем потерять сразу двух. Как бы прискорбно это ни звучало.

Я вытаращила на него глаза, прекрасно понимая подтекст. Евгений Михайлович, которого я считала адекватным профессионалом и идеальным начотдела, на полном серьезе только что назвал меня и Стаса специалистами одного уровня... Точнее не так, ультиматум-то мне адресован, то есть я на увольнение иду вперед Стаса. Меня услышанное так потрясло, что ответ в горле комком встал, я даже извиняться за вспышку не спешила... Я, успешно участвующая и в одиночку закончившая уже несколько проектов, и какой-то дебил с известной фамилией – специалисты одного уровня? Что тут вообще происходит? Хотя я понимала что...

Зал совещаний уже опустел, а я так и сидела в одной позе. А может, самой заявление написать, раз ситуация такова? Да, в этой организации я подобного не ожидала, мне всегда казалось, что эффективность здесь никогда не будет поставлена ниже блага...

Стас зачем-то вернулся и сел напротив. Заговорил тихо, что еще сильнее раздражало:

– Зря ты так раскисла, он просто предупредил, а не решил. Видишь ли, Полька, я годами к твоим вспышкам ярости привыкал, и то не привык, так не требуй невозможного от старика!

Я долго молчала, не в силах сейчас придумать какую-то колкость. Ответила после паузы тихо, но вряд ли Стасу:

– Меня скорее всего в отдел видео возьмут, они меня знают... Конечно, если там вообще есть вакансии. Но не беда, если нет... Я слишком много училась и работала, чтобы остаться без места, не здесь, так где-нибудь еще... Я не бездарность какая-нибудь...

– Эй! – он подался вперед. – Полина, тебя никто не увольняет! И никто тебя бездарностью не называл, не придумывай. Михалыч вроде всегда остро на конфликты реагировал, вот и пресекает, как умеет. К конкурентам намылилась? Стрельцовы, конечно, душки, но терпеть не могут тех, кто перебегает к конкурентам! Ты чего там? На полном серьезе расклеилась? Из-за какого-то каталога? Да блин, давай я следующий запорю, лишь бы твою тухлую рожу и дальше видеть.

Я подняла на него мутный взгляд:

– А зачем я здесь тебе?

Он вновь расслабился и улыбнулся. Скорее всего, его мимолетное напряжение мне вообще показалось.

– Как зачем? Не люблю легких побед, Польша Луговая. Сейчас ты себе придумаешь, что тебя вытурили только за то, что ты дорогу Стрельцову-младшему перешла, и убежишь, поджав хвост под джинсы. А в чем тогда будет мой восторг? Уделать жалкую трусиху – это так, не достижение, по три раза на дню успеваю.

– Это я-то жалкая трусиха?!

– Ты. Где боевая сука, которая по всему институту разнесла, что я ее сифилисом заразил? У меня тогда от такой стервозности даже восхищение появилось! Далеко не каждая девушка сумела бы подставить себя, чтобы подставить меня. Характер не шавки! А сейчас смотрю – порода-то помельчала.

Я поморщилась. Было дело, после новогодней вечеринки на втором курсе... Я от злости вообще не в себе была, раз такое в голову пришло.

– Да-а, погорячилась я тогда, – признала, вспоминая. – В общем-то, и себе личную жизнь надолго перекрыла тем заявлением...

– Догадываюсь! А меня до самого отъезда стороной в три метра обходили! Я их клею – а они шарахаются! Даже справку от венеролога притащил и ее каждому в нос пихал, но почему-то от таких действий начали шарахаться еще сильнее.

– Так ты поэтому уехал? – обрадовалась я. – Проиграл мне?

– Ну, будем считать, что так. А сейчас вернулся, чтобы выиграть.

– Обломишься.

– Посмотрим. А пока пойду работать. Я же тут теперь этот, как его, специалист!

И ушел, не стесняясь громко смеяться. Ну нет, сама я отсюда не уйду. Еще чего придумал! Да и Евгений Михайлович в чем-то прав – неправильно показывать характер на внутри-производственных совещаниях, а даже справедливые замечания можно выразить тактично и приватно, чтобы не заставлять его реагировать при всех.

С немного приподнявшимся настроением я окинула взглядом каталоги, которые секретарь разнесет по другим отделам чуть позже. Бездумно пододвинула к себе верхний – красиво оформлено, не придерешься, Настя все-таки не зря получала второе образование по художественному оформлению. Открыла на случайной странице и зависла, почти как недавно, но по другой причине. Наклонилась, шурясь и пытаюсь рассмотреть каждый значок. Все описания были на французском, каждый абзац на французском... Взяла следующий – то же оформление, только тексты на английском, и они мне были уже понятнее по общему смыслу.

Вот оно что... Евгений Михайлович на переводчиках сэкономил. То-то он так радовался неведомому прорыву. Девчонки накидывали макет, а Стас переводил. Это, конечно, не специализация рекламщиков, потому и акцент никто не делал, но малюсенький вклад в экономию на издержках все же нельзя не признать...

Осознав свой идиотизм, я взяла телефон и решила написать сообщение, потому что в глаза такое произнести не смогу:

«Так ты в своих заграницах языки учил?»

«Нет, конечно, – пришел ответ. – Со мной там все по-русски разговаривали, даже в супермаркетах. Потому что у меня папа богатый. Ни на чем повезло»

Я протянула стон сквозь сжатые зубы.

«А где твои ошибки на русском?»

«Прасти, дарагая. Мне Настя памагла написать. А где тебя носит, пока я твою кружку облизываю?»

Вздыхнула, встала, оправила одежду и пошла в отдел. Неловко немного перед остальными, но когда меня такие мелочи останавливали? Вообще-то, Стас правильно выразился – приятнее побеждать сильного противника, а не безмозглого дурака.

Вечером я все-таки заявила к маме. Недолго мялась, но все же поинтересовалась ее прошлыми отношениями с Борисом Игнатьевичем. Она и не думала отнекиваться:



– О, а ты про это откуда узнала? Да не было ничего серьезного. Боря красиво ухаживал, букеты присылал – я тебе говорила, что от выпускников, в рестораны пару раз сходили...

– Ого, Боря? – удивилась я, ни разу от нее такой фамильярности не слышавшая. – И что же потом произошло?

– Да ничего не произошло. – Она пожала плечами. – Ты в восьмом классе училась, да и у него двое мальчишек. Стасик вообще шутливый был, сладу с ним никакого. Трудный ребенок, в те времена еще слишком остро переживавший смерть матери. Это не очень просто – воспитывать детей в одиночку, но намного сложнее – заявлять неготовым к такому детям, что у них теперь есть отчим и мачеха.

– Мам, ты думаешь, что я была бы против? – Я накрыла ее руку своей. – Да я к Борису Игнатьевичу всегда с уважением относилась!

– Нет, я так не думала. Просто перемены в личной жизни сразу такого количества людей можно проводить только при условии сильных чувств. А иначе зачем тужиться? У нас с Борей были теплые отношения, но на самом деле ничего общего в интересах. Даже близко не было к тому, что я чувствовала с твоим папой. Мне рабочий процесс в деканате интереснее, чем его благосостояние, а он только о бизнесе, об инвестициях, о поездках... Слишком самоуверенный, слишком заиклившийся на результатах и победах. Ты меня знаешь, доча, меня другой тип людей привлекает – созерцатели, способные полтора часа вещать о прочитанной книге. Сослалась на то, что не хочу травмировать детей, Боря сразу тактично отступил. Вот и все отношения, если их так можно назвать.

Я кивнула, тем подчеркивая, что она не обязана дальше объясняться, если не хочет. Но закончила:

– Ты у меня красавица, мам. И если вдруг найдешь себе мужчину по душе, то я буду только за!

– Да я тебя тогда и спрашивать не стану! – рассмеялась она.

А я с удовольствием отметила, как мы все-таки с ней похожи – принципиальные, целостные и не способные раскидываться чувствами на каждого встречного самоуверенного самца. Притом это никак не отражается на результатах и победах в собственной работе, уж мою маму никто не упрекнет в том, что она негодный специалист.

## Глава 5. Мое кунг-фу сильнее твоего кунг-фу

Разумеется, на работе я притихла и к Стасу не придиралась. На моем месте было разумно притихнуть, чтобы дать остальным возможность забыть мой последний прокол. Но если дело не касалось работы, то я позволяла себе некоторые послабления:

– Стас, как ты думаешь, почему моя кружка утром стояла в моем ящике за тремя стопками бумаги, четырьмя папками с отчетами и запиской «Не смей брать мои вещи!»?

– Не знаю. Чтобы не пылилась?

– Не-е-ет. Еще попытка!

– Полька, у меня день рождения тридцатого числа. Сможешь использовать этот повод, чтобы вручить мне кружку и притом не быть заподозренной в личных мотивах!

– Тридцатого? – обрадовалась Ольга.

Но я на нее внимания не обратила:

– Я бы давно тебе ее вручила без повода, но поняла, что это не остановит посягательств на мою. Смысл же не в этом.

– О-о... ты меня так хорошо изучила, что страшно становится. И ведь реально, не остановит. Гребаная сталкерша! Прекрати читать мои мысли!

– У некоторых такие сложные мысли, что труда не составляет. Все две.

Настя вздохнула и прервала его очередную реплику:

– Ребят, вы уже плюньте на старые обиды и поцелуйтесь! А то от ваших искр я сосредоточиться не могу!

– А мы уже, – огорошил всех Стас признанием. – Нам не понравилось, потому спасибо за предложение, но уже проверено и не помогло. Помнишь, Полька, как на новогодней вечеринке ты меня изнасиловала своими губами? Я три года в Сорбонне у психолога наблюдался, но до сих пор вздрагиваю. А отомстить-то смог всего лишь эксплуатацией кружки.

– Не так все было! – ответила и отвернулась к компьютеру. – Ты поцелуй от плевка не отличаешь?

Он, конечно, не мог оставить последнее слово за мной:

– Ага, налетела, повисла, прижалась и как давай всеми мышцами лица вращать. На нас ее парень смотрит, ни стыда ни совести, а я в ауте. Уж от кого, но от Полиночки Андреевны Луговой, главного светоча всего высшего образования и образца благовоспитанности, я подобного не ожидал.

– Не так все было, – повторила я тише.

Девчонки, к счастью, рассмеялись, уловив, что он явно преувеличивает. А я занялась работой. Да и монитор не осуждал меня за искривленное от злости лицо. Но они все продолжали обсуждать нетрудовые вопросы – в этой легкости отвлечения на пустую болтовню заключается самый главный недостаток женских коллективов:

– Ну, может, неправильный момент выбрали! А мы отвернемся и Ванечке не расскажем. Да не обижайся, Полин, мы ведь шутим!

– Стас, а у тебя девушка-то есть?

– Как же ей не быть? Машенькой зовут. Весной свадьбу намечаем.

– Как здорово! Хоть бы фотку показал, интересно же глянуть.

– Завтра сфотаю, послезавтра принесу.

– Ой, Евгений Михайлович, конечно, работаем, а не трындим...

Было все не так, конечно, а я тот случай никогда всерьез не анализировала. Институтская дискотека, вполне себе приличная и почти безалкогольная – ну, за исключением тех студентов, кто с собой принес и от кураторов скрыл. Мне тогда Сашка очень нравился. Я танцевала в

общей мешанине, давая ему возможность насладиться зрелищем и определиться с симпатией ко мне.

И вдруг меня резко развернули, взяв за талию, а я даже чьего-то приближения за спиной не почувствовала. Я уж было подумала, что Сашка наконец-то созрел. Но руками за плечи парня зацепилась не потому, а чтобы не упасть после крутого виража. Стас меня поддержал, дал возможность восстановить равновесие. И через секунду мы почему-то поцеловались. Не было ни единой причины и никакого желания. Скорее всего, сработал набор миллиона случайных факторов. Я после разворота могла спонтанно потянуться к нему, а он мог спонтанно потянуться ко мне, чтобы держать крепче и не позволить крутиться дальше. Миллион случайных факторов привел к тому, что мы мазнули друг по другу губами. Это был не поцелуй, конечно, а секундное касание чьей-то кожи к моей. Всё, обсуждения не стоит! Я сразу отшатнулась и заверещала:

– Отпусти!

Но он держал и как будто даже еще сильнее сдвинул руки на талии.

– Отпусти, придурок! Ты что творишь?

– Это ты что творишь? – ответил Стас заторможенно. – Я тебя просто напугать хотел.

– Напугал! И теперь мне хочется зубы почистить!

– А зубы тут при чем? – он тоже разозлился. – Зубы вроде не участвовали.

– Отпусти!

Но он все держал – ровно столько секунд, сколько потребовалось для того, чтобы Сашка, который до этого наблюдал за мной и собирался подойти, исчез с радаров. Навсегда исчез, если уж вспоминать всю историческую точность. Как и остальные нерешительные докладчики конференций, которые или собственными глазами видели, или им донесли всеведущими сплетнями. И когда я план отморозка осознала, то вывернулась и попыталась залепить пощечину. Ушлепок увернулся, чем разъярил меня еще сильнее – не дал выхода эмоциям.

– Как же ты мне противен! – орала я, но вряд ли нас могли расслышать другие парочки из-за громкой музыки.

– А ты мне не противна, думаешь? Слушай, да я... А я сейчас догоню его и все объясню!

Ну, он догнал и объяснил, как мне потом рассказала Сашкина одноклассница, поглядывая на меня с неприязнью. Стас заявил, что ничего такого между нами нет, а пара постельных эпизодов не считается – мало ли, что случается между сыном Стрельцова и деканской дочкой, когда мы так часто ночуем друг у друга. Вот во время танца и сработал рефлекс, на который и внимания обращать не стоит. Сашка после таких откровений, говорят, снова заикаться начал, а ведь думал, что два года, как от такой напасти избавился.

Уж разумеется, бегать и опровергать это заявление с моей стороны было глупо. Собственно, тот его поступок я и посчитала самым неприятным, после чего уже не стеснялась в методах. И вот, он теперь это вылил в виде смешной байки, которой вряд ли кто-то поверил из-за накрученности сюжета. Но мне все равно стало неприятно, почти как в тот самый день.

После рабочего дня Стас меня окликнул с парковки и зачем-то направился наперерез.

– Тебе не кажется, что мы сегодня совсем мало ругались, Луговая? У меня чувство незавершенности процесса. Давай минут пятнадцать постоим, после чего ты позеленеешь и брошишься в драку. Вот тогда я гарантированно сегодня спокойно усну.

– Постояла бы хоть час, пока тебя до красных пятен на лице не доведу, но прости, у меня другие планы на вечер.

– А-а, Ванечка? – Стас улыбнулся так, будто сильно сомневался в существовании Ванечки. – Тот самый, от кого жухлый букетик?

Я улыбалась ему так же лучезарно, как он мне.

– Постоянно забываю, что в том мире, из которого ты вылутился, чувства оцениваются стоимостью подарков. Бедный, несчастный, морально незрелый идиот, которому приходится покупать симпатию женщин только охапками самых дорогих роз!

– Да брось, какие розы? Я до такой слюнявой ваты еще ни разу не опускался.

– Не удивлена. А теперь дай пройти, Стас. Твой брат очень явственно намекнул, что я могу обвинить тебя в сексуальных домогательствах при малейшем поводе. Так не буди во мне зверя – я и так едва держусь, чтобы шансом не воспользоваться.

– Не, в этом не обвинишь, – он заявил уверенно, и даже улыбка не померкла.

Я удивилась:

– Почему же?

– Потому что для начала тебе пришлось бы меня спровоцировать. Притом хорошо так спровоцировать, тебе ли не знать, что я поведусь, только если буду совсем не в себе? А тебя от одной мысли колбасит.

Я неконтролируемо тяжело вздохнула, признавая верность сказанного. Не смогу спровоцировать, меня тошнит даже от представления. Потому над этой версией я думала минуты три, а потом ее отвергла. Стас, удовлетворенный моим согласием, продолжил еще расслабленной:

– Может, нам двойное свидание устроить? Вот бы твой Ванечка посмотрел, как тихая скромница превращается в обезумевшую фурию при моем появлении. Честные отношения лучше начинать с честных образов без прикрас.

Закатила глаза на секунду, а потом окинула его взглядом строгой воспитательницы:

– Мы с Ванечкой как-нибудь сами разберемся. А на твою персону целое свидание тратить просто жаль.

– А Ванечка вообще существует вне твоих влажных фантазий? – он все же не удержал свои сомнения, хотя до сих пор как будто не собирался этого делать.

Но я и не думала напрягаться:

– Я пропустила тот момент, когда стала обязана перед тобой отчитываться. Ты можешь думать обо мне все что угодно, разрешаю. Надо же тебе хоть о чем-то думать, а это с непривычки сложно. О, вот и красные пятна проклеиваются. Ура! Дело сделано, свободен.

– Думаешь, я бы вообще вернулся, если бы чувствовал себя свободным?

– А это ты о чем? – Он промолчал, потому я закончила, обходя его кругом: – Хорошего вечера, Стас, за рулем не пристегивайся.

\* \* \*

Дома я все же размышляла целый час, а потом остановилась на одном номере в списке контактов.

– Привет, Лешка!

– Привет, – собеседник явно удивился. У нас с ним как-то не принято перезваниваться без повода. – Случилось чего?

– Мама упоминала, что ты на следующей неделе к нам в командировку на денек.

– Ну да. – Он все еще не понимал смысла звонка. – Во вторник буду, но сначала по делам пробегусь, потом к тетя Нине. Ты тоже подбегай, сто лет не виделись.

– Так вот, Лешка, послушай. Утром встречаемся возле моего офиса, постоишь рядом, моего жениха поизображаешь.

– Чего? – он наконец-то очнулся. – Я женат!

– А то я не в курсе. Снимешь кольцо – и все, сделано, не женат. Поизображаешь?

– Я твой брат! Как тебе такой бред вообще в голову втемяшился?

– Троюродный, – отмахнулась я. – Лет триста назад нас могли еще в младенчестве обвенчать, не придирайся! Я всех знакомых в уме перебрала. Но большинство из них здесь живет,

это рискованно, а остальные совсем непрезентабельные. Поздравляю, Лешка, ты победил в конкурсе красоты!

– Совсем там от работы с кукухой распрощалась, Полин?

– Частично. Но очень надо, понимаешь? Тут один гаденыш сомневается, что у меня есть личная жизнь! Можешь себе такое представить?

И Лешка все-таки расхохотался, а потом кому-то начал кратко пересказывать сюжет диалога – Галине, скорее всего, чтобы она тоже посмеялась.

– Могу представить, – он с трудом давил из себя слова. – У тебя самая замечательная и полная личная жизнь, сразу видно! Даже приятеля не нашлось, чтобы троюродного брата не просить. Ну ладно, постою рядом, если не очень долго, у меня в полдесятого встреча с поставщиком.

– Успеем! Спасибо, Ванечка!

– Кто?

– Отстань. Увидимся в следующий вторник. Привет Гале и тетя Зине!

Все, на эту тему больше не буду оправдываться – пусть каждый делает выводы, какие ему заблагорассудится.

\* \* \*

На следующий день всем девушкам в отделе доставили шикарные букеты роз, а они каким-то образом сразу уловили, кого именно благодарить, и неистово чмокали Стаса в обе щеки. Не выдержал пижонистка моей подковки, скатился до слюнявой ваты. Раскошелился на букеты всем! Кроме меня, понятное дело. Но я торжествовала от мысли, как его ненависть выделяет меня из прочих, – я без букета как бельмо на глазу, орущее об исключительности громче любых слов.

Но радовалась я лишь несколько часов, а потом мне доставили курьером небольшой букет фиалок. «Самой очаровательной девушке от Ивана», – гласила карточка. Отправителя вычислить можно, не прибегая к помощи гадалок, мне ли не знать, что никакого Ивана не существует? А на такой развод способен только один человек в мире. Но пришлось изображать изумленную радость и трепетную задумчивую улыбку, чтобы выглядело естественно, – мне ведь и в голову не могло прийти, что букет не от Ванечки! Стас даже голову от документов не поднял, девочки искренне поздравляли без капли сравнения: любой романтической барышне ясно, что многократно приятнее получить скукоженную ромашку от любимого, чем шикарные розы проформы ради от коллеги. А я смущалась и улыбалась как можно шире, хотя уже мышцы на скулах ныли. Вот ведь утырок, на этот раз уделал. Мне остается только изображать отсутствие уделанности...



## Глава 6. Совместный проект

– Ничего себе тачка. – Лешка присвистнул. – Это ваш босс на парковку рулит?

– Боссов сын. – Мне даже оборачиваться не было нужды для правильного ответа. Борис Игнатьевич, как и Олег Борисович, вели себя намного скромнее.

Во вторник мы с троюродным братом явились к офису заранее и встали чуть в стороне от крыльца, изображая легкую болтовню. Мимо пробежали Ольга с Региной, приветливо помахали. Но мне, конечно, нужен был конкретный зритель в кинотеатре. И вот его высочество соблаговолило притащить на кабриолете свою царственную задницу к месту реализации его детских комплексов.

Я сосредоточилась и заговорила тихо:

– Теперь, Лешка, просто стой. Вообще независимо от того, что будет происходить дальше, стой и не смей падать в обморок!

– В каком это смысле? – Он испугался.

– В любом, – честно ответила я. – Понятия не имею, что от этого сумасшедшего черта можно ждать.

Лешка нахмурился, но просьбе все-таки последовал. В смысле, продолжил стоять там, где и стоял.

– Доброе утро, Полина, – раздался голос Стаса со стороны, после чего он просто вошел в дверь.

– Видал? – торжествующе констатировала я.

– Видал... Отморозок просто! – удачно подколол Лешка. – Кто вообще додумался выпускать такого монстра без намордника на улицу?

– Вот именно поэтому он так и опасен, – объяснила я. – Никогда не предугадаешь, что выкинет.

– Особенно страшно, когда они вежливость выкидывают, – с усмешкой закивал головой троюродный брат.

Мне показалось, что он начал сомневаться в моих проблемах, потому сузила глаза и уточнила:

– Ты мне не веришь? Мне, образцу адекватности?

– Да верю я, верю, – признал примирительно. – Ты, Полин, и правда, обычно образец адекватности. Кроме как сейчас. Я в последний раз такое видел... уже даже не припомню. А! Когда ты с больными глазами про какого-то дебила в институте рассказывала! Тогда я прямо тебе не говорил – не хотел обидеть, раз тебя чем-то так сильно взбесили. А теперь вот говорю, раз тот дебил канул в лету. И вот опять рецидив.

– У тебя встреча с поставщиком в полдесятого! – обиделась я.

Лешка поцеловал меня на прощание в щеку и напомнил, что вечером еще поболтаем у «тетя Нины».

Пора признать, что в личной жизни у меня не просто непорядок, а непорядок, требующий активной уборки. Это ерунда, что моего парня изобразил родственник, но вот то, что цветы я получаю от Станислава Стрельцова, – уже бой колокола: «Очнись, очнись, Польша Луговая, и начинай строить не только карьеру!».

В отдел я вошла за полминуты до начала рабочего дня, чтобы со всеми успеть в гляделки поиграть, а заодно услышать от Ольги:

– Это твой Иван? Очень интересный мужчина! Сразу видно, что от такого банальностей не жди – только романтичные фиалки и что-то подобное!

– Согласна! – поддержала ее и заодно меня Катя. – Все-таки приятно видеть, когда у людей все хорошо. Стас, да перестань ты уже трогать ее кружку, сколько можно? Девочки, а давайте ему именную купим? Полина, как пострадавшая сторона, может не скидываться!

Я посмотрела на него, поиграла бровями, а потом отняла только что налитый кофе.

– Ой, – не ойкнула, а протянула Настя и пригнулась. – Сейчас опять ругаться начнут, взрывом бы не зацепило...

И вдруг я поняла, каким уколom как минимум сделаю ему неприятно, особенно когда при всех, до недавнего времени с хохотом поддерживающих эту версию:

– Стас, а может, ты просто в меня влюбился? Точно! Сидел, сидел в своей Сорбонне, а потом тебе папа или брат в случайном разговоре упомянули, что я на них работаю. И как тебя чувствами шандарахнуло – думаешь, это же та самая Полиночка, самая умная и ответственная девчонка института! Лечу к ней на крыльях любви! Но приехал, посмотрел повнимательнее и понял, что до ее уровня недотягиваешь. И так тебе грустненько стало, что ты ориентиры потерял. Так несладко быть отверженным, особенно тому, кто все всегда сразу получал?

Он смотрел пристально, а улыбался ехидно.

– Запах фиалок на всех так пагубно влияет? Ты уж не дыши в затылок.

– Кстати, а твоя Машенька все-таки существует? – я фальшиво выпучила глаза. – Не странно ли, что ее никто не видел? Вздыхаешь, поди, ночами, по мне тоскуешь, а девушку придумал, чтобы я не догадалась.

– Да хоть сейчас приведу Машеньку. Пятерых. Лишь бы ты эту чушь нести перестала.

– А что? По-моему, очень логичная теория! Особенно если степень твоей избалованности в анализ включить!

– Вот ее и придерживайся, Польша Луговая. Но потом не удивляйся, когда получишь самый подлый удар.

– Да я от тебя его всегда жду! – я мгновенно отказалась от прежней версии, забывшись.

– Хоть в чем-то ум проявляешь!

Настя затыкнула на той же ноте:

– Ну вот, а я о чем говорила?

Мы разошлись по разным углам ринга, но каким-то неведомым образом я своего доби-лась – Стас надолго от меня отцепился. Вполне возможно, так ему обвинения поперек горла встали, что решил меня игнорировать. А со следующего дня еще и собственной кружкой обзавелся, девчонками подаренной. Ха, а жизнь-то налаживается! Знала бы раньше, что ему противнее всего слышать, с этого бы и начала!

\* \* \*

– Заказчик новый, техзадание невнятное! – оглашал Евгений Михайлович очередную повестку дня. – Потому идем путем меньшего сопротивления – все желающие могут предложить свой плакат рекламы пива, а премию получит тот, чей макет выберет заказчик. Даже если это будет субъективное и непрофессиональное мнение обывателя.

– Участвую! – я потеряла руки в предвкушении. – Хлесткие слоганы – мой конек!

– И меня запишите! – потеряла руки Настя. – Я в дизайне ас!

Весь отдел по очереди потерял руки, и только Стас тяжело вздохнул и промолчал, прекрасно понимая, что со специалистами ему не тягаться. И никакой привычной перепалки, никаких комментариев о моих комментариях. Его будто на улучшенную версию подменили.

И наше «перемирие» не могло остаться незамеченным. На следующей неделе обнадеженный Евгений Михайлович определил нас в пару на один проект, дабы закрепить пакт о ненападении намертво. И что же? А ничего! Мы оба сцепили зубы и застонали в себя, а потом выдавили почти членораздельно:

– Конечно, Евгений Михайлович.

Мне-то профессионализм надо изображать, а Стасу надо изображать, что здесь он не только штаны просиживает, но и какие-то задачи способен выполнять, не кривясь, как оскорбленная ехидна.

Но мы все-таки не сдержались, когда сели рядом. Правда, предусмотрительно перешли на шепот:

– Я занимаюсь оформлением и текстом, Стас. А вот что тебе делать, ума не приложу. Ведь здесь нет задачи перевести каталог на санскрит.

– Я на санскрит и не умею! – он шептал с теми же нервами и так же тихо.

– Вот я и спрашиваю, а что ты умеешь? Ведь по темечку отдачей и мне прилетит!

– Не поднимай голову, Польша, иначе нас обоих в некомпетентности заподозрят, а тебе это не нужно.

– Ты хотя бы «Фотошоп» освоил?

– Фоточто?

– Я все-таки никак не могу понять, зачем тебя сюда приняли? Ну ладно, ты с одной работой помог – признаю. И простые задачи тянешь. Но ведь твоя специализация совсем другая! Неужели этого никто не видит?

– Все видят только то, что меня папа очень любит.

Я вздохнула – правота его слов не требовала доказательств. Забурчала под нос:

– Ну и выделили бы тебе должность переводчика. С отдельным кабинетом, все дела.

– Я в изоляции быстро увядаю, меня обязательно в полях и лугах выгуливать надо.

– Отодвинься подальше, Стас. И всю неделю даже звуки не издавай. Вот, возьми их старый проект, делай вид, что листаешь.

Он долго листал, пока не заскучал и не начал давать советы:

– Снизь заливку слоя процентов на десять. У тебя кровь из глаз еще не течет?

– А-а, так ты все-таки что-то понимаешь в программе?

– К сожалению, не на том уровне, чтобы тебя вышвырнуть в форточку, а самому сесть за монитор... – признал он. – Потому и не лезу.

– Ага, заметно. Стас, отодвинься, ей-богу, ты как будто весь воздух в помещении вдыхаешь, аж голова от нехватки кислорода кружится.

– Фиалками не пахну? Может, в кафе спустимся? Я оголодал.

– По очереди. Я с тобой, прости за выражение, в одном поле фотошопить не сяду, не то чтобы рядом обедать.

– Отодвинулся, видишь? Медленно и незаметно передвигаюсь в сторону буфета. Так что закупорь звукопередачу и работай.

– Сам заткнись.

В общем, мы вполне профессионально смогли сотрудничать: он фонил, я шрифты подбирала. И работа шла – неделя пролетит, каталог оформится, никто и не заметит этих стрессов.

Вот только на следующий день Стас устроил диверсию. А именно, взял больничный и не явился в офис. Может, и не брал он никакого больничного, а просто не явился – кто ж с любимого шефского сынка справку спросит? Но мне было плевать, поскольку толку от него все равно ноль, а отсутствие лишь прибавит мне работоспособности. В общем, я задрала руки вверх и задвигала бедрами туда-сюда и по кругу, визжа от восторга. Мысленно, конечно, а иначе меня обвинили бы в непрофессиональной радости. Так я и радовалась, пока Евгений Михайлович ко мне не обратился:

– Ну и чего ты так счастливо сверкаешь глазами, Полина, как будто от балласта избавилась? До четырех работай, а потом перекидывай все на флэшку и езжай к нему. Олег Борисович согласился тебя подхватить.

– В смысле? – Я перестала мысленно вращать бедрами.

– А как иначе-то? У вас же общий проект. Съезди на полчасика, прояви чувство коллективизма, нарежь Станиславу задачи, пусть свою часть выполнит, как лучше себя почувствует. Но не слишком сложные – ты же понимаешь, он на твоём уровне в деле не разбирается...

Ну вот, и Евгений Михайлович все прекрасно понимает! А то, что Стас это специально придумал, чтобы меня позлить, сомнений не вызывало.

\* \* \*

На заднем сиденье с Олегом Борисовичем мне было как-то не по себе. Большой начальник все-таки, приходится выпрямлять спину, с интересом рассматривать окно и помалкивать. Но он через десять минут поездки нарушил тишину сам:

– Полина, рад знать, что вы все-таки сработались. Ну и как Стас справляется с обязанностями?

Лучше бы и дальше молчали... А как на такой вопрос ответить? Скажу правду – заподозрят в предвзятости или, что еще хуже, недостаточном рвении в вылизывании начальственных причинных мест. Совру – и себя уважать перестану. Потому ответила нейтральное:

– Стас молодец. Желаю ему успешной работы в должности финдиректора. Разумеется, когда вы ее захотите оставить.

– Нет, он мое место не займет, – удивил Олег, и я посмотрела на его профиль, с интересом ожидая пояснений: – Сам брат больше склоняется к организации какого-нибудь мелкого производства. Не знаю, что получится, если у него даже толковой идеи пока нет, но у нас специалистов хватает – найдется, кого на должность поставить.

– А! – обнадежилась я. – Вы с Борисом Игнатьевичем тоже считаете его легкомысленным шалопаем?!

Олег рассмеялся в кулак, но почти сразу взял себя в руки.

– Полина, мы его считаем тем, кто он есть. Не больше и не меньше.

– Простите, – я смутилась. – Случайно вырвалось.

– Кажется, Евгений Михайлович поспешил, поставив вас вместе на один проект. Ну да ладно, он в своем деле профи. Вероятно, знает, что делает.

Да не знает он... Никто ничего не знает при правильной фамилии.

## Глава 7. Нельзя недооценивать врага

Дом Стрельцовых располагался на самой окраине города и ожидаемо производил впечатление дизайном и габаритами. Нас встретила девушка в униформе и забрала мою ветровку. Удивляться нечему, но я все равно удивлялась: каково это – существовать, когда твою ветровку в любой момент могут куда-то унести и спрятать?

Олег провел меня на второй этаж, но перед дверью остановился:

– Полина, будет слишком неуместно, если вы поработаете в его комнате? В принципе, я могу уступить вам кабинет.

– Да мне без разницы! – отмахнулась я.

Он кивнул, но вошел внутрь один, дверь захлопнулась практически перед моим носом. Уму непостижимо! Так у них отсутствие воспитания – фамильная черта? А через пару минут вышел и как ни в чем не бывало пригласил:

– Проходите, Полина. Вы останетесь на ужин?

– Нет, конечно! – воскликнула нервно и исправилась, изменив тон на самую вежливость: – В смысле, я бы с большим удовольствием, но вечером у меня другие дела.

Вошла и окинула взглядом тело в футболке и спортивных штанах. Привычно покривилась вместо приветствия, но потом заметила, что Стас действительно выглядит не ахти, зеленоватый какой-то. Я нахмурилась.

– Ты заболел, что ли? Вот уж не ожидала, что ты во время больничного именно болеешь. Но он привычно широко оскалился.

– Вчера перепил немного. День рождения отмечали.

– У тебя ж тридцатого!

– А кого это метет, Польша, если старые приятели нашли друг друга в клубе? Но польщен, что ты запомнила дату.

Теперь все понятно. Не на совсем пустом месте болячку придумал, хотя кому еще из сотрудников похмелье бы спустили? Я осмотрела пространство: как минимум двухкомнатные апартаменты, в этом гигантском предбаннике даже кровать не стоит, только изящные шкафы, кресла и стол с компьютером. Моя съемная квартирка, наверное, поменьше будет, чем такая «спаленка». Но тут я оказаться никогда не планировала, потому поддалась любопытству:

– Я здесь ровно на полчаса – изображу, что нарезаю тебе задачи. Хотя мы оба знаем, что если я тебе и начну что-нибудь нарезать, то явно не задачи. Но раз я внутри обители зла, то покажи свой диплом. На восьмое чудо света стоит взглянуть.

– А я его не получил. – Стас стоял за моей спиной, пока я шагала то к окну, то к шкафам, рассматривая. – Учился то там, то сям. За такое дипломы не дают. А по поводу того, что отец мне бумажки покупал, ты несколько преувеличила – понятия не имею, за какие деньги можно купить поддельный диплом какого-нибудь Гарварда.

Я резко развернулась и вскинула голову, торжествуя:

– Ага, так и знала, что не доучишься!

– И в чем причина праздника? На кой черт мне диплом, Польша? За них же рвут и мечут только те, кто вынужден быть наемной рабыней. А у меня с рождения восемь должностей на выбор в фирме отца и пять тысяч возможностей вне ее. В каком из этих вариантов мне понадобились бы корочки о высшем образовании или хотя бы аттестат?

Я признала, что он прав, а развивать эту тему было немного обидно. Обалдую все равно не докажешь, что диплом символизирует знания! Он даже не в курсе, что в жизни необходимо что-нибудь символизировать. Потому направилась к компьютеру, откладывая папки в сторону, почти сразу нашла гнездо для флешки.

– Ладно, Стас, я тебе промежуточный вариант скину – посидишь тут, потыкаешь кнопки для вида. Потом в офис принесешь, чтобы тебя начальник заслуженно похвалил. Но сильно не тыкай, а то хвалить не за что будет.

– Справлюсь. А это что за смешной список? – он выхватил листок из-под верхней папки. – А, схема плаката и слоганы для рекламы пива?

– Пока наметки. – Я не отвлекалась от копирования файлов. – Не читай.

– Еще чего. Как мне еще учиться, если не у аса? – И начал перечислять: – «Закончи день на бодрой ноте» – классно. После вчерашнего даже пивка захотелось. А это что? «Золотой дождь твоих фантазий»? – Стас расхохотался. – Этим ты на что конкретно намекнула?

– Ты же видишь, что зачеркнуто!

Я начала злиться. Однако все равно листок не пыталась отнять – на самом деле я в тот момент меркантильно подумала, что Стас своим юморком себя веселит и не замечает, как дает самую точную оценку рекламным лозунгам. Так пусть продолжает, мне потом меньше с выбором мучиться.

Он и продолжал:

– «Глоток удачи!». Ага, с печенью отдачей. И ты себя еще креативной считаешь? О, а вот это в твоём стиле: «Жестяная банка для хмельной пьянки» – жость, Полька, уважаю!

Я выдала в паузе:

– Боюсь, ближайшие двадцать семь минут покажутся мне самыми длинными в жизни. Ведь три минуты встречи уже прошли? Прошли же? Может, ты пока фильм какой найдешь? На перемотке глянем.

– У меня все фильмы на компе, а ты за компом.

– Почти закончила!

– Тогда читаем дальше. «Три глотка удовольствия!» – вообще шикарный слоган. Это ты в нем весь свой интимный опыт описала?

На этом мое терпение лопнуло, как и закончился переброс файлов. Потому я встала и вырвала свои заметки из лап чудища, способного опошлить лучшие мои идеи. Усмехнулась и предложила:

– Так сам слоган придумай, в конкурсе поучаствуй. Вдруг у заказчика вообще мозга нет, тогда у тебя наибольшие шансы на победу. Тебе премия, нам – неделя хохота, все в выигрыше.

– Премия мне как-то без надобности. – Он задумался. – А саму картинку я смогу нарисовать хуже, чем даже ты. Слушай, а может, мне тебя нанять, чтобы выиграть?

– Да, идеальная организация субподряда.

Я встала и вновь прошла по комнате, уступив ему место перед монитором. Подошла к дверному проему в смежную комнату и заметила край разобранной постели.

– Ты, что ли, перед моим приходом проснулся?

– Похмелье у меня, сказал же!

– Да-а, красиво жить не запретишь, – признала я почти с завистью.

И вдруг он как-то ненормально дернулся в мою сторону:

– Не заходи туда!

– И не думала. – Я отступила. Но сразу же назрело предположение: – Порножурналы забыл убрать?

– И их тоже. Не для злобных стерв моя кровать росла.

– А, поняла! – Я снова сделала шаг к проему. – Там, наверное, Машенька в расчлененке? Я никому не скажу!

Но он уже демонстративно захлопнул дверь в святая святых. Я пожала плечами и снова посмотрела на часы:

– Еще девятнадцать с половиной минут тут торчать. Есть короткометражка?

– Есть любительское видео, как меня группой провожали. Минут на десять потянет, а потом можем начинать прощаться.

– Врубай, – одобрила я. – Что угодно, лишь бы не продолжать эти беседы. О, кстати, хотела спросить – почему вы с Олегом здесь живете? Вы так дружны, что не хотите съезжать от отца?

– Да нет, у Олега квартира в центре есть. Просто мы так долго не виделись, что он сюда на время переехал. А я настолько дружный, что не хочу съезжать от отца... – объяснял бездумно, кликая мышкой. – Вот, нашел! Тащи кресло ближе.

Я наблюдала на экране за скачущей и бессюжетной съемкой. Вроде бы в начале даже коридор нашего института мелькнул, но потом действие перенеслось в бар. Парни, девчонки, многие из которых мне были знакомы поименно, а в лицо я знала всех. Кричат что-то неразборчивое, удачи Стасу за границей желают, вроде бы даже искренне просят, чтобы мейлы слал о своих похождениях по швейцарским телочкам. А если по немецким пойдет, то чтобы и видео. Обычные студенческие разговоры, ничего особенно интересного в съемку не попало, но время коротать оно помогало.

На заднем плане разглядела Виталию – он, как обычно, стоял, скромно потупившись. Надо же, со мной до выпуска не разговаривал из-за Стаса, а на проводах явился! Или его общей волной туда принесло? Жалкий он какой-то, ни грамма той интеллектуальной ауры, которая когда-то заставляла мое сердце трепетать, запись не отражала. Посмотрела, подумала и озвучила вывод вслух:

– А знаешь, за Виталию я тебя прощаю. Так и быть. Буду считать, что ты мне просто время сэкономил.

– Разве я просил прощения?

Действительно, никогда не просил. А стоило бы!

– Вот почему ты постоянно такой кретин? Мило же пообщались, глаза друг другу не выцарапали!

– Достижение, честное слово. Еще десять-двадцать таких встреч, и я смогу думать без матов.

– О, слушай, – я вспомнила другое, раз мы так дружески болтаем. – Олег меня как-то отчитывал, что про наши отношения приврала, и тогда намекнул, что это неуместно, поскольку Борис Игнатьевич пару раз приглашал на свидание мою маму. Насколько же серьезно был настроен твой отец, что и через столько лет это аргумент?

– Не аргумент. – Стас не отвлекался от монитора. – Олег на тебя не посмотрел бы, потому что ты ему не по статусу, не по вкусу и не по презентабельности. Остальные аргументы он придумал, чтобы ты не смела его в этом смысле разглядывать. Он-то у нас вежливый, честно обрубать неприятных персон не умеет.

– Твоя первая реакция говорила об обратном, – припомнила я.

– Бес попутал. За психику Олега распереживался, вдруг он перетрудился до галлюцинаций, а мы пропустили?

– Да я о другом! – пропустила подколку мимо. – Ты думаешь, это стоящая причина, чтобы не начинать отношения даже при сильной влюбленности?

– Нет, конечно. Отец у нас не озабоченный психопат, который на подобные вещи обратил бы внимание. Вот если бы я оказался в такой ситуации, то сначала спокойно поговорил бы с отцом на эту тему, а потом без зазрения совести шел бы в бой.

– Олег просто тактичнее! Он боялся бы ранить чужие чувства!

– Чушь собачья. Какое счастье, что мне не бывать в такой ситуации, спасибо, что ты – это ты. Никаких дилемм. Надо отцу в следующий раз тащить на свидания женщин без дочерей, чтобы потом нам с Олегом не сужал круг поиска. Но не беспокойся, твоего случая это не касается, ты с тем же успехом могла быть у Нины Александровны и мальчиком, и велосипедом.

Я схватила папки, отошла к входной двери и сопела на протяжении всех оставшихся минут. Напоследок сообщила:

– На этом все, больше я тебя навещать не буду. И так сделала то, чего никто на моем месте делать бы не стал.

– Да и не надо было навещать. – Стас тоже поднялся и скрестил руки на груди. – Ты чего вообще приперлась? Со средствами связи незнакома?

– Так меня Евгений Михайлович послал... во всех смыслах! Потому что ты перед ним так вопрос поставил! Будто я не понимаю, что меня ни за что не отправили бы «навещать больного», если бы не было директивы сверху! Хотя ты не сверху, а с горизонтали, он от старости путает!

– Точно. Я кое-как упробил, чтобы хотя бы не с утра. Хороший он все-таки старик, человечный.

Ушла я секунда в секунду через полчаса после того, как сюда явилась. А на самом-то деле, все прошло предельно спокойно. То есть затяжное кровопролитие перешло в холодную войну? Неприязнь-то никуда не денешь, она уже неотъемлемая часть наших характеров. Но если не воевать открыто, то в офисе станет намного спокойнее.

Как же сильно я ошибалась! Как запросто легкий треп о каких-то мелочах заставляет забыть, кем является Стас на самом деле.

\* \* \*

Он вышел на следующий день. А еще через два дня на планерке представил проект рекламы пива – немного криво слепленный макет и слоган: «Закончи день на бодрой ноте».

Я не закричала только потому, что не могла поверить. Да, Стас Стрельцов отморозенный гаденыш, всю жизнь выезжающий на других людях, но я все равно не ожидала, что он украдет мою идею. А потом дошло, что если все же закачу скандал, то Евгений Михайлович взбеленится и назначит меня крайней. Я оказалась в гнуснейшей ситуации, когда необходимо проглотить обиду.

Победил все равно проект Насти, но об этом мы узнали только через пару часов. И хорошо, она хотя бы заслужила: прекрасный оформитель, а проект предоставила настолько масштабный, как будто вообще в последние дни не спала и не ела, а лишь им занималась. Для меня тот день проходил в каком-то тумане – я никак не могла уложить в голову, что он это на самом деле провернул. Человек, которого я считала способным на любую подлость, сотворил подлость такую, которая даже в моих подготовленных мыслях не укладывалась.

И когда я в очередной раз застыла у окна, подошла Ольга.

– Полин, ты плачешь, что ли? У тебя что-то случилось? Лица нет...

Я, чтобы на самом деле не расплакаться, рассказала ей о произошедшем. Мне не нужна была поддержка, не нужно было одобрение начальника, и даже премия не нужна, – необходимо было увидеть ее реакцию: отмахнется, что снова придумываю, или поверит? Она несколько секунд смотрела на меня, потом выдавила сухо:

– После ваших склок шеф решит, что клеветешь, потому не говори – нет смысла, а победил все равно проект Насти. Но больше Стасик от меня никакой помощи не получит.

И мне этих слов было достаточно, чтобы почувствовать себя человеком. Не знаю, по какой цепочке пронеслась информация, но через два дня атмосфера в отделе сильно изменилась: больше никто не подходил к столу Стаса, никто не реагировал на его шутки, отвечали на вопросы без азарта и короткими предложениями – так, чтобы работа не пострадала, но виновный отношение ощутил.

Он и ощутил – не мог не ощутить. Копался теперь в своих скудных знаниях и мелких задачах, как будто ничего не произошло. Вероятно, считает меня стукачкой? Но это сущая



ерунда по сравнению с его поступком. Спасибо, Стас, что так ярко напомнил о том, кто ты есть! Искренне и от всей души благодарна! Теперь никакие беседы меня памяти не лишат.

Удивляло только то, что смотрел он на меня расслабленно и с каким-то открытым торжеством.

## Глава 8. Начни менять мир с себя

И день рождения его проходил примерно в таком же вакууме. Нет, его, конечно, поздравили – все же коллектив у нас дружный и на полное игнорирование одушевленного существа неспособный. Но без берущих за душу пожеланий и праздничного настроения. К сожалению, Стас все равно не выглядел уязвленным, и как раз с целью еще больше показать ему его место, продемонстрировав великодушие, я тоже подошла к нему после обеденного перерыва и произнесла:

– С днем рождения, Станислав. Желаю долгих лет жизни, чтобы успеть стать человеком.

– Спасибо от всей души, Поляночка. Но у меня не сегодня. Я же сказал тридцатого, но месяц не называл. А теперь не хочу всех расстраивать правдой – они так старались, такой праздник мне устроили! Оставляю тебе право быть искренней.

Я даже не удивилась, только руками развела:

– Всякий раз, когда я думаю, что ты достиг дна, ты бьешь собственные рекорды. Не с днем рождения тебя, придурок.

Но другим я не рассказала – не из-за репутации Стаса, конечно, какая там репутация? Просто вдруг подумала, что они почувствуют себя глупо, а этому отморозку как с гуся вода. Он вообще от всеобщего неприятия не страдает, так не начнет страдать и от перехода на новый уровень.

Лишь к концу рабочего дня до меня дошло, в чем был прикол. Олег вошел в наш отдел, что делал крайне редко, принес огромный торт и две бутылки шампанского – поздравить брата на рабочем месте, раз уж они родственники. Я скрипела зубами, но все же похвалила себя – умнею, мудрею на глазах! Опять бы попала в идиотское положение, если бы поддалась на провокацию... Хорошо, что случайно не попала на очередной крючок. Теперь всегда так буду поступать – не лететь туда, куда Стас меня подпихивает, в этом и есть победная стратегия.

Хотя теперь было немного обидно наблюдать, как все летят за своим куском торта и снова поздравляют, при Олеге Борисовиче намного душевнее. Несчастные оголодавшие – за вкуснятину готовы душу продать. Но, к сожалению, и мне пришлось изображать, чтобы не выглядеть отщепенкой и не вызывать вопросы начальства. А от глотка шампанского отдел и вовсе почти сразу пришел в тот же кураж, который был недавно. Предатели!

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.